

Серебряная
пуля

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ВИТАЛИЙ

ГЛАДЖИИ

Виталий Дмитриевич Гладкий

Серебряная пуля

Серия «Русский детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6088851
Серебряная пуля: Центрполиграф; М.: 2013
ISBN 978-5-227-04472-3

Аннотация

«Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится» – так сказал известный персонаж из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». К сожалению, герой романа «Серебряная пуля» Алексей Богданов или не читал великое произведение, или не придал значения глубокой мысли, заложенной в вышеуказанном изречении. Правда, ему на голову упал не кирпич, а застреленная из снайперской винтовки ворона... Тем не менее густо замешанные на мистике события, которые последовали за этим происшествием, переиначили судьбу парня, заставив балансировать на грани жизни и смерти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	49
Глава 4	82
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Виталий Дмитриевич Гладкий Серебряная пуля

Глава 1 Снайперский выстрел

Вам когда-нибудь падала на голову ворона? Мне, например, нет. До того злосчастного дня. Ворона задела меня крылом по макушке и упала в цветочный ящик, пристроенный к балкону.

То, что птички имеют скверную привычку на лету испачкать человеку шляпу или пальто, это всем известно. Но чтобы среди бела дня на людей падали мертвые вороны, такого случая я не припомню. Несколько смущенный и озадаченный столь странным событием, я присмотрелся к черному комку перьев и сразу узнал ручную ворону, которая обитала этажом выше у одинокого старика, которого во дворе все звали Африканом, – на птичьей лапке белело широкое алюминиевое кольцо с его инициалами и номером телефона.

Несмотря на одиночество, Африкан терпеть не мог кошек и собак. Наверное, потому он и приручил ворону, которая

ночевала у него на балконе, а днем искала себе пропитание в мусорных баках. Это было очень удобно для Африкана: и поговорить есть с кем, и не нужно с утра пораньше в любую погоду выгуливать свою питомицу.

Вообще-то старика звали Елпидифор Африканович. Как говорится, умереть и не встать. Язык сломаешь, пока выговоришь. Поэтому его и переименовали в Африкана. Он был очень стар – по моим прикидкам, ему стукнуло никак не меньше восьмидесяти пяти лет. А скорее всего, и больше.

Тем не менее худощавый дед Африкан выглядел эдаким бодреньким старичком-боровичком. У него даже шевелюра сохранилась, правда, совсем белая, но густая и длинная. Бородка и усы Африкана всегда были аккуратно подстрижены на новомодный манер, но что касается одежды, то он был просто музейным экспонатом.

Африкан носил старинный сюртук-редингот с атласными отворотами, белую рубаху с воротником-стойкой, галстук-бант, узкие брюки в полоску и остроносые ботинки на высоких каблуках – дед не вышел ростом. Кроме того, на голове у него красовался элегантный, но тоже выдавший виды котелок – «привет из Парижа», а в руках старик всегда держал резную трость черного дерева.

Нужно сказать, что она была достаточно увесистой. Об этом нам поведал местный хулиган по прозвищу Чирик. Однажды он и два его товарища, отягощенные похмельным синдромом и полным безденежьем, решили проверить со-

держимое кошелька Африкана, чтобы «занять» энную сумму на опохмел. Дед как раз шел с утра пораньше в булочную – любимым завтраком Африкана были свежие бриоши и крепкий чай.

Когда эти «орлы» подступили к деду с обязательным ножиком – для острастки, конечно же резать его никто не собирался, – Африкан неожиданно принял классическую фехтовальную стойку и так отделал молодцов, что те едва ноги унесли. Наверное, в глубокой юности старика учили обращаться с холодным оружием.

Почему я говорю «наверное»? Никто из соседей не знал прошлого деда Африкана. Он никого не пускал в свою личную жизнь. Мало того, ни один человек из нашего двора не мог похвастаться тем, что побывал в его квартире. А она была шикарней: высокие потолки с лепниной, просторные комнаты, красивый мозаичный паркет, а на кухне – люк для отходов, персональный мусоропровод (это я сужу по своему жилищу, доставшемуся мне в наследство от деда).

Из всех жильцов дома старик привечал только меня. Может, потому, что я не стал скандалить, когда он однажды устроил потоп в моей квартире, и даже не потребовал с него денег. Я рассудил так: квартира все равно нуждается в капитальном ремонте, а деньги у меня есть. И потом, каким же нужно быть крохобором, чтобы из древнего старца выжимать последние гроши? Поди, перебивается Африкан при его-то мизерном пенсионе с воды на кашу, из всех «делика-

тесов» позволяя себе только бриоши и молоко.

Ворона лежала прямо перед моим носом, в ящике, где вместо цветов произрастала какая-то хилая, рахитичная травка-самосев. В свое время бабуля была помещена на озеленении балконов и в конце концов дождала деда. Однажды пришли сварщики и соорудили на балконе металлическую конструкцию, далеко выходящую за его пределы, куда и поставили широкий короб для цветника.

Пока бабушка была жива, летом наш балкон напоминал сказочный Эдем, так много было на нем разнообразных, нередко экзотических растений, которые цвели с ранней весны до поздней осени. Но когда она ушла в мир иной, цветы зачахли, словно от горя, а спустя год вместо них начала произрастать чахлая травка, которую я «удобрял» сигаретными окурками – в юности мне приходилось скрывать от родителей свою приверженность очень неуважаемой в нашем семействе страсти, и как только кто-нибудь из домочадцев стучался в балконную дверь, я тут же трусливо зарывал недокуренную сигарету в землю.

Так уж случилось, что достаточно просторный балкон служил мне в теплое время года кабинетом. Его боковые стороны были защищены, поэтому ветер почти не тревожил меня. Я затащил на балкон плетенную из лозы мебель – круглый столик и два креслица – и поставил старый холодильник, снабжавший меня в летнее время прохладительными напитками. На балконе очень хорошо мечталось, а при работе с ноутбу-

ком не так уставали глаза. С моего «насеста» (квартира находилась на пятом этаже) было видно многое: голубое небо, яркая зелень парка, кусок речной излучины, а также окно Милочки Кошкиной в доме напротив, которая по вечерам очень любила расхаживать по своей спальне в костюме библейской Евы.

Когда на мою голову свалилась ворона, я как раз курил, опершись о перила, и с философским видом наблюдал за работой дворника-узбека, которому помогал целый выводок его детей. Наблюдал и меланхолически думал, что если кризис продлится еще года полтора, то мои накопления закончатся и придется мне составить этому мигранту конкуренцию на рынке труда.

Три месяца назад фирма, в которой я протирал штаны, обанкротилась, и меня вышвырнули на обочину экономической жизни. Хорошо хоть, я не был подвержен разным нездоровым страстям, поэтому счет в банке давал мне возможность какое-то время пожить в свое удовольствие, изображая из себя персонального пенсионера.

Я не без опаски взял ворону в руки и тут же бросил ее в цветочный ящик, заметив на черных перьях темно-красные капельки крови. Присмотревшись, я обнаружил и небольшую рану на теле любимицы Африкана. Похоже, ворона была убита из винтовки. Притом ствол был с глушителем, иначе я услышал бы звук выстрела. А стреляли явно из двенадцатиэтажного дома напротив. Поэтому пистолет исключал-

ся. На таком расстоянии он бесполезен. Разве что ворону настигла шальная пуля. Такое иногда случается. Но мне почему-то показалось, что диким случаем тут и не пахнет.

Я вдруг почувствовал, как между лопаток заструился холодный пот. У меня была потрясающая интуиция, благодаря которой я и выжил во второй чеченской войне. Поэтому мне живо представилось, как неизвестный снайпер уже взял меня в перекрестье оптического визира и поглаживает спусковой крючок, дожидаясь паузы между двумя ударами сердца, чтобы тело и ствол слились в единый монолит и выстрел получился максимально точным.

Воинская наука нелегкая, но человеку разумному она дает много преимуществ. Мгновенно вспомнив свое боевое прошлое, я резко пригнулся, чтобы спрятаться за ограждением балкона, и вкатился, словно Колобок, в комнату. Там я схватил бинокль, который всегда был у меня наготове в ожидании очередного «сеанса» Милочки Кошкиной, спрятался за занавеску и начал высматривать снайпера.

Увы, мои старания пропали втуне. Сколько я ни вглядывался в окна дома напротив, так ничего подозрительного и не заметил. Может, это пацаны балуются? Сообразили, что могут быть обнаружены, и попрятались. На нашей улице уже были случаи, когда юные отморозки стреляли по прохожим. Но у них в ходу пневматика. А ворона была убита пулей, притом не мелкого калибра.

Мои страхи прошли быстро. В раздражении швырнув би-

нокль на диван, я вышел на кухню, налил полстакана виски и выпил одним глотком.

«Это, брат, шизофрения... — думал я, смоля сигарету. — В чистом виде. Надо же — снайпера испугался. На кой ляд ты кому-то нужен? В аферах не замешан, никаких секретов не знаю, в олигархах или чиновных мздоимцах не состою. Может, позарились на мою квартиру? Так у меня полно наследников: отец и мать живы, две сестры, наконец, куча племянников. Нет, здесь что-то не то...»

Я невольно поднял глаза к потолку, услышав над головой шоркающие шаги Африкана. Похоже, он занимался стряпней, потому что раздался сильный стук, в котором я не без раздражения распознал звук упавшей кастрюли.

Старик постоянно что-нибудь ронял. Притом сие действо могло случиться в любое время дня и ночи. Однажды ко мне в гости заглянула весьма приятная особа без комплексов, чтобы отужинать при свечах в непринужденной холостяцкой обстановке. Ближе к полуночи она решила проверить, так ли мягок мой диван, как я ей расписывал. Конечно же я был не против.

И надо же такому случиться, чтобы в самый ответственный момент Африкан опрокинул стол или тумбочку, а может, и целый шкаф. Наверное, грохот разбудил весь дом. Моей гостье он вообще показался взрывом. Возможно, она решила, что в квартиру, выломав дверь, ворвался ее ревнивый супруг (дама была замужней), поэтому вскочила с дивана так

резво, что я улетел в угол как перышко. Лежа на полу в чем мать родила, я обалдело наблюдал, с какой скоростью она одевается. И должен сказать, моя гостя не только уложились в армейский норматив, но и превзошла его, натянув свою замысловатую, на мой мужской взгляд, амуницию за считанные секунды.

Понятное дело, после такого фиаско ни о каком интиме не могло быть и речи. Гневно фыркнув на прощание, она выпорхнула на лестничную площадку, даже не попрощавшись, и была такова. Короче говоря, все получилось как в той поговорке: «Любовь прошла, поели помидоры, калоши жмут, и нам не по пути». Должен сказать, что в тот момент я готов был Африкана убить.

Глубокомысленно наблюдая, как увеличивается столбик сигаретного пепла, я думал, что мне делать с вороной. Просто выбросить ее рука не поднималась. Я знал, что Африкан в вороне души не чает. Несколько раз мне довелось случайно подслушать, как он пел ей дифирамбы на балконе. Можно было подумать, что ворона – это не птица, а заколдованная злым волшебником жена или дочь старика.

Но самое интересное – ворона понимала Африкана с полуслова, как дрессированная собака. Иногда он, встревоженный длительным отсутствием вороны, выходил на балкон и начинал ее звать: «Аида, Аидушка! Где ты, моя девочка? Лети домой, я жду!» Аида! Нехилое имечко. Прямо тебе эфиопская принцесса из оперы Джузеппе Верди. Необычное имя

вороны так меня заинтересовало, что я даже открыл словарь. Оказалось, что Аида в переводе с арабского означает «награда» и что это имя приносит удачу.

Так вот, стоило старику позвать свою любимицу, как спустя некоторое время раздавался шелест ее крыльев и звучало вопросительное «кар-р?». Каким чудесным образом ворона могла слышать слабый голос Африкана, когда по улице днем и ночью сновали машины и стоял такой шум, что на расстоянии в десять шагов нельзя было разобрать человеческую речь? И потом, я не раз наблюдал, как ворона улетала кормиться на поля в окрестностях города. Но даже в этом случае она умудрялась из какофонии многочисленных звуков вычленивать зов старика и прилетала, естественно, с задержкой. В общем, чудеса, да и только.

Отнесу бедную Аиду старику, решил я наконец. Может, он сделает из нее чучело – на память. Отыскав пластиковый пакет из супермаркета, я уже безбоязненно (точнее – почти безбоязненно) вышел на балкон, взял птицу в руки – и услышал, как что-то упало. Опустив глаза на пол, я увидел пулю. Видимо, она прошла навылет и застряла в перьях.

Что ж, подумал я, будет мне сувенир. На память о том, как на меня напала «медвежья болезнь». Последний раз у меня был такой мандраж, когда я вытаскивал с поля боя раненого друга. Мне тогда казалось, что весь огонь сосредоточен на нас двоих. В тот момент я страстно желал превратиться в крохотную мышку, которая тащит в норку хлебное зерныш-

ко. Когда мы очутились в укрытии, мою форму можно было отжимать – я словно побывал под соленым душем. От страха я даже не почувствовал боли – меня тоже зацепило, правда, легко. Да, что было, то было...

Нагнувшись, я поднял пулю и отер какой-то тряпицей от крови. Посмотрел – и у меня глаза полезли на лоб. Ни фиги себе! Пуля была нестандартной, и, как это ни странно, она почти не деформировалась. Но не это было главным. Ее отлили... из чистого серебра! Уж серебро-то я могу отличить от любого белого металла.

В приборах, которые мне приходилось ремонтировать в начале моей трудовой деятельности, перед армией (меня призвали после техникума), было много серебряных контактов. Списанные приборы сдавали в металлолом, а из контактов слесаря делали разную мелочь – цепочки, перстни, медальоны. Когда я получил повестку, мой наставник и дальний родственник дядя Гриша вручил мне в торжественной обстановке (то есть во время «отвальной») серебряный нательный крест, который он сработал собственноручно.

Я не снимал крестик всю чеченскую кампанию. Уж не знаю, он ли был мне невидимой защитой, или мой ангел-хранитель относился очень ответственно к своим обязанностям, но за два года я был всего лишь три раза ранен, притом легко, скорее это были не раны – царапины. Я даже в госпиталях не валялся, зализывал свои ранения на «точках». А мне приходилось бывать в таких передрыгах, что, как говорится,

мама не горюй.

Серебряная пуля... Что бы это могло значить? Я лихорадочно перелистал в голове личный справочник, составленный на основе своего не очень богатого жизненного опыта и сведений, почерпнутых из литературных источников. Калибр 9 мм, скорее всего, стреляли из «винтореза». Знакомая машинка. Очень удобная. Мигом разобрал ее на части, сложил их в кейс, надел очки и шляпу – и ты уже не киллер, а молодой кандидат околосвященных наук, озабоченный мировыми проблемами. (Это если после акции жалко сбросить «винторез», ведь такую вещь на черном рынке просто так не купишь.)

Но при чем здесь серебряная пуля? Насколько мне было известно, серебряные пули отливают для того, чтобы убить оборотня. Или какую-нибудь другую нечистую силу. Но это же чушь собачья! Какие оборотни?! В наше-то насквозь прагматичное время.

И тем не менее серебряная пуля-самоделка вот она, на моей ладони. Это что же выходит: некий праведник каким-то макарон раздобыл «винторез» и, осенив себя крестным знаменем, шмальнул по вороне Африкана, считая ее дьявольским отродьем? Нет, это точно бред! А может, целились не в ворону, а в старика? Ну, это уже не лезет ни в какие ворота! Из него и так песок сыплется, он скоро сам отправится в заоблачные выси. В конце концов, его можно было замочить по дороге в булочную, куда он ходит каждый божий день. За-

чем городить такой замысловатый огород? Так ничего и не поняв, я плюнул в сердцах, положил пулю в карман и потопал по широкой лестнице на шестой этаж.

Дверь квартиры Африкана не впечатляла. Она была обита стареньким потертым дерматином, собственно, как и у многих наших пенсионеров, не страдавших избытком наличности. Вот только замки старик поставил козырные. Их было два, и оба патентованные – швейцарские. Ни один вордомушник с отмычкой не смог бы проникнуть в его жилище, потому что номерные ключи для этих замков нарезались на специальном прецизионном оборудовании. Малейшая неточность в изготовлении отмычки, исчисляемая в микронах, – и замок тут же ее блокировал, зажимая словно в тисках. И выбить дверь не получалось, потому что она закрывалась специальными засовами по всему периметру.

Нужно сказать, замки в свое время меня немного озадачили. Интересно, что Африкан скрывает в своей пещерке? Такие замки стоили ну очень больших денег. Меня, например, задавила жаба, когда я услышал их цену. Поэтому, немного поразмыслив и решив, что воровать у меня нечего (кроме старой мебели и компьютера, который давно пора было выкинуть), я заказал себе железную дверь (как же, веяние эпохи нашего недоразвитого капитализма) с серийными, но очень хорошими замками. Конечно, спец справится с ними без особого труда, но какой-нибудь лох, который надумает бомбануть мою квартиру, чтобы добыть немного денежек на

выпивку или наркоту, забодается их открывать.

Я долго жал на кнопку звонка, но, похоже, он не действовал – изнутри не доносилось ни единого звука. Тогда я начал стучать в дверь кулаком. Звук получался глухим, словно передо мной была бетонная стена. Это меня очень удивило. Силой я не обижен, и, по идее, хлипкая дверь квартиры Африкана должна была ходить ходуном. Ан нет. Она стояла как скальный монолит.

– Кто там? – вдруг раздалось у меня прямо над ухом, я даже вздрогнул от неожиданности.

Подняв голову, я только сейчас заметил, что в стену высоко над дверью была вмонтирована миниатюрная видеокамера и металлическая решеточка, за которой прятался динамик. Для меня это была новость – эту технику я видел впервые. Наверное, Африкан поставил ее совсем недавно.

Круто! Во дает старик! А мы-то и не знали, что он так обставился. «Мы» – это соседи. В особенности одна злобная старуха, которой была известна подноготная каждого жильца не только нашего подъезда, но и всего двора.

За эти способности ее прозвали Жужа, или Жужу. Она и впрямь жужжала на скамье у подъезда с раннего утра до позднего вечера, посвящая своих товарок во все самые свежие новости и сплетни. Откуда она их выкапывала, одному аллаху было известно. Такой ворох новостей и вообще всякой всячины можно было нарыть только в Интернете. Но я точно знал, что у Филипповны (так ее кликали соседи) нет

компьютера. Оставалось предположить, что у нее в голове вмонтирован миниатюрный приемник, настроенный на все радиостанции мира.

– Елпидифор Африканыч, это я, Алеша, ваш сосед снизу.

– Чего тебе нужно, деточка?

«Деточками» старик называл всех тех, кому еще не исполнилось сорока лет. К более взрослым он обращался не по имени-отчеству, а просто – «уважаемый» или «уважаемая». Создавалось впечатление, что память на имена у него была никудышная. Однако и старческим маразмом Африкан не страдал, а его небольшие глазки под мохнатыми седыми бровями смотрели не по-стариковски остро и осмысленно.

– У меня для вас новость... извините, не очень приятная...

– Что такое?! – всполошился старик, но дверь все равно не открыл.

В последнее время он стал очень подозрительным. Слишком много развелось в нашем городе разных аферистов и мошенников, которые обманывали стариков, а иногда и убивали, чтобы завладеть их квартирами. Несмотря на наши добрые отношения, Африкан и на меня иногда посматривал с подозрением. И то верно – в душу человеку ведь не заглянешь. Впрочем, возможно, это мне просто казалось.

– Ваша ворона... ну это... того... – Мне почему-то никак не хотелось сообщать ему неприятную новость прямым текстом.

– Она умерла?! Ох...

Похоже, Африкан понял, что я хочу ему сказать, и, наконец, схватился за сердце. Ворона была очень старой. Она жила у Африкана сколько я себя помню. Поэтому старик наверняка был готов к этому трагическому событию. Но все равно новость застала его врасплох.

– Да, – ответил я.

– Где... где она?!

– Я принес...

На этот раз дверь распахнулась, словно я наконец произнес пароль типа «сим-сим, откройся». Африкан был в длинном атласном шлафроке, подпоясанном витым шнуром с кистями, из-под которого виднелась накрахмаленная белая рубашка и темно-вишневый бант. А на ногах у него были не тапочки, а мягкие кожаные туфли-мокасины. Он даже дома не позволял себе ходить в затрапезном виде.

Я передал ему пакет с мертвой вороной. Африкан открыл его, и на глаза старика навернулись слезы. Не обращая на меня внимания, он медленно побрел в глубь квартиры, прижимая ворону к груди. Поколебавшись, я прикрыл дверь (мама мия! она оказалась сейфового типа, толщиной не менее пятнадцати сантиметров!) и последовал за ним. Поступить таким образом, не дожидаясь приглашения (в чем я очень сомневался), меня подтолкнул бес любознательности. Надо же хоть одним глазом взглянуть на таинственное жилище Африкана.

Да-а, посмотреть там было на что. Я вошел в гостиную и обалдел: дорогая антикварная мебель, фарфоровые китайские вазы, притом явно не новodelы, в буфете мягко светилась старинная серебряная посуда с позолотой... На стенах висели французские гобелены, по моему разумению, конца девятнадцатого века (я видел подобные в музее), а с десятков картин – в основном кисти фламандских художников – в массивных золоченых рамах несомненно были подлинниками.

Вот тебе и скромный пенсионер, дедуля-божий одуванчик. Не квартира, а филиал Эрмитажа. И ведь я еще не видел другие комнаты...

И не увижу, понял я, потому что в гостиную вошел Африкан. Теперь лицо старика было угрюмым и сосредоточенным, а подозрительный взгляд буквально буравил меня. Уже не думает ли он, что это я грохнул его любимую ворону – дабы проникнуть в его жилище?

– Ты еще здесь, деточка? – не приветливо спросил Африкан. – Иди домой. А за ворону спасибо. Это благородный поступок.

Но уходить я не собирался. Видимо, Африкан не понял, что ворона умерла не от старости, а ее сшиб снайпер.

– Вашу ворону убили, – сказал я, пристально глядя на старика.

– Это понятно, – сурово ответил старик. – Ей бы еще жить да жить.

– Увы, не совсем понятно, – сказал я несколько развязно.

В этот момент я подумал, что зря не содрал с него бабки за ремонт, который вылился мне в приличную сумму. Старый хрыч далеко не беден, как оказалось. От этих мыслей настроение у меня испортилось окончательно.

– Что ты имеешь в виду? – Глаза Африкана потемнели, словно небо перед грозой.

– Ее застрелили, – отчеканил я. – Притом это сделал снайпер.

О том, что ворону убили серебряной пулей, я благоразумно умолчал. Вдруг все эти байки про оборотней – правда? Эта мысль меня повергла в трепет. Нет, нужно срочно искать работу! Хоть какую-нибудь. Иначе от безделья точно крыша поедет. Вон как воображение разыгралось... Тьфу, тьфу! – мысленно сплюнул я через левое плечо.

– Застрелили?! – Африкана словно ударило током. – Кто?!

– А вот это мне неизвестно... – И я рассказал ему, как все произошло.

Сказать, что старик был ошарашен, значит, ничего не сказать. Его словно обухом ударили по голове. Он даже стал ниже ростом. Но в глазах Африкана запылал поистине дьявольский огонь. Мне даже стало немного не по себе.

– В общем, Елпидифор Африканыч, не исключено, что целили в вас, – безжалостно закончил я свое повествование. – А ворона приняла пулю на себя. Дело случая... Вам здорово повезло, если это так.

Удивительно, но на мое заявление он совсем не отреагировал – не возмутился, не стал говорить, что все это глупые домыслы, что кому он, дряхлый старец, нужен... Вместо этого Африкан подошел к буфету и достал оттуда бутылку французского коньяка в виде фляжки и две небольшие золоченые рюмки.

– Помянем Аиду, – сказал он сурово.

Я не стал возражать. Мне вдруг самому захотелось выпить. Коньяк оказался славным – выдержанным, густым. Я присмотрелся к бутылке – и едва не ахнул. Это был знаменитый французский коньяк Remy Martin Louis XIII! В его купаже присутствуют коньяки со сроками выдержки от пятидесяти до ста лет. А старик-то, оказывается, большой гурман... И потом, такой коньяк стоит огромных денег. Может, Африкан – это граф Монте-Кристо на покое?

– Всего тебе доброго, мой мальчик, – решительно сказал старик, поставив рюмку (не мешало бы повторить, подумал я с вожделением, подавив в себе вздох разочарования), и проводил меня до двери.

Она закрылась с мягким всхлипом – словно дверца «мерседеса». Я критически посмотрел на изрядно потертую обивку двери, коротко хохотнул – ай да старикашка! верно говорят, что в тихом омуте черти водятся, – и спустился на свой этаж. Все, для меня эта история закончилась, думал я, попивая на кухне вискарь. (Что такое крохотная рюмашка коньяка для русского человека? Всего лишь затравка.) Пусть те-

перь Африкан сам распутывает эту таинственную историю.
У меня своих проблем хватает.

Как же я ошибался!

Глава 2

Солдат удачи

Я еще спал, когда в дверь кто-то настойчиво начал звонить. Нужно сказать, что мой сон после коньяка Африкана и почти полной бутылки виски, которую я высосал как-то очень незаметно, предаваясь размышлениям и воспоминаниям, напоминал детский. Да и уснул я словно в детские годы – в девять вечера. Уснул, будто провалился, едва голова коснулась подушки. Что на меня так повлияло, сам не пойму. Обычно я торчу в Интернете до двух, а то и трех часов ночи, а потом дрыхну едва не до обеда.

Кто бы это мог быть? – думал я, прыгая на одной ноге, чтобы попасть другой в штанину спортивных брюк. Мать в такую рань никогда ко мне не приезжала, а остальных родственников я видел раз в год, на каком-нибудь празднике типа именин. Они не очень меня привечали. Виной тому был мой острый язык. Иногда я мог ляпнуть такое, что всем становилось неловко. Вот не любит наш народ правду-матку, и все тут...

Открыв дверь, я невольно отшатнулся. Передо мной стоял Африкан, изменившийся до неузнаваемости. Казалось, что за ночь он сбросил килограмм десять веса и настолько же лет постарел. Старик превратился в Кощея Бессмертного, каким

его показывают в мультиках, — кожа да кости. Только глаза Африкана горели как у человека, страдающего похмельным синдромом, который никак не может наскрести денежек на опохмелку.

— Алексеюшка, ты уж извини, что разбудил... — Африкан сразу подметил, что я прямо из постели. — Но у меня есть большая просьба. Я буду тебе чрезвычайно признателен...

— Елпидифор Африканыч, о чем базар! Всегда готов вам помочь. Вы же знаете.

— Да-да, знаю. И очень ценю твою доброту.

Действительно, я не раз исполнял мелкие поручения старика: отвозил на своей машине его постельное белье в стирку, а ковры в химчистку; когда был продовольственный кризис, закупал ему продукты мешками — гречку, рис и сахар, летом привозил арбузы и дыни... Оно и понятно — старик с его слабыми силенками конечно же не мог таскать большие тяжести. А мне это ничего не стоило — не на своем же горбу переть. Правда, все это я лично поднимал по лестнице, но только до двери его квартиры.

— Вот... — Он приподнял вместительную клеенчатую сумку, которую держал в руках. — Это моя Аида... — Тут старик всхлипнул, но не заплакал, только скорбно вздохнул. — Нужно ее похоронить. Достоин похоронить. Мне что-то неможется, поэтому, будь добр, сделай это ты.

«Может, еще и отпеть ее в церкви?» — едва не сорвалось у меня с языка, но я вовремя задал на корню неуместный

в этой ситуации сарказм и ответил:

– Конечно-конечно, сделаем.

Я взял сумку. Она была гораздо тяжелее тельца вороны. Неужто Африкан соорудил своей любимице целый саркофаг?

– Только выкопай ей могилку не где-нибудь возле свалки, – продолжил Африкан, глядя на меня мгновенно потяжелевшим взглядом, – а на Круглой горе, под Чертовым Пальцем. Это было любимое место Аиды. Она подолгу там сидела.

Я невольно поежился. Круглая гора пользовалась у горожан и жителей окрестных сел дурной славой. Старики шептались, будто бы ведьмы, слетаясь на свой шабаш в Вальпургиеву ночь, останавливались на Круглой горе, чтобы передохнуть. Ходили слухи, что иногда там пропадали люди, а однажды какая-то тетка – не из местных – сошла с ума. Зачем она поперлась на Круглую гору, история умалчивает, но там ей привиделось нечто настолько страшное, что ее слабая голова не выдержала. Женщину пытались лечить по новому методу – под гипнозом, – и она такое рассказала, что у лечащего врача и медсестры тоже едва крышу не снесло.

В общем, местечко было еще то...

– Как скажете, Елпидифор Афрыканыч, – кивнул я и хотел было закрыть дверь, но тут старик цепко схватил меня за руку.

– Запомни – под Чертовым Пальцем! – молвил он, злове-

ще сверкнув глазами (а может, мне просто показалось).

– Вам поклясться на Библии? – спросил я с иронией, все-таки не сдержался!

– Нет-нет, я тебе верю! Ты хороший мальчик... – Тут он полез в карман халата и достал оттуда очень даже приличный и явно недешевый цифровой фотоаппарат. – Сфотографируй мне это место... на память.

Ну старый хрыч, ну перестраховщик! Я даже рассердился на этого Фому неверующего. Но оставил свои мысли при себе, ничего не сказал в ответ. Что со старика возьмешь? С годами люди становятся просто невыносимыми. Африкан на фоне некоторых вредных старушек из нашего подъезда выглядит белым и пушистым.

Позавтракав, я завел свою «мазду» и отправился в траурное путешествие. Меня так и подмывало заглянуть в сумку, чтобы посмотреть на «саркофаг» с вороной, но я стоически сдержался.

Скорее всего, Круглая гора была творением рук человеческих. Места у нас равнинные (правда, балки и яры встречаются), и нигде нет ничего похожего на эту гору. Наверное, она была курганом, могилой какого-нибудь скифского или сарматского вождя. Потому-то Круглую гору любители легкой наживы изрыли вдоль и поперек, надеясь найти золотые украшения, которыми варвары щедро снабжали своих правителей – чтобы они купили себе на том свете местечко получше, соответствующее их земному положению. По

этой причине Круглая гора издали напоминала термитник, так много было на ней нор и траншей.

Увы, все потуги «черных археологов» оказались напрасными. Если под Круглой горой что-то и было, оно лежало под ее подошвой, на большой глубине, куда без мощной землеройной техники добраться невозможно. А это уже серьезный криминал. Впрочем, будь наши толстосумы уверены, что там и впрямь покоятся сокровища, я совершенно не сомневаюсь, что гору давно срыли бы. При этом имея на раскопки вполне официальное разрешение.

Оставив машину внизу, я взял сумку и саперную лопату, забрался на вершину Круглой горы и подошел к Чертову Пальцу. Возле него нор было еще больше, чем на склоне горы. Наверное, «черные гробокопатели» думали, что под Чертовым Пальцем уж точно что-то спрятано. Это обстоятельство меня порадовало – не нужно ковыряться в земле, чтобы похоронить убиенную ворону.

Чертов Палец был достопримечательностью областного масштаба. А может, и общегосударственного. Он представлял собой обычную каменную бабу, коих немало разбросано по тем местам, где кочевали скифы, сарматы, половцы и прочие варварские племена. Необычным являлось то, что эту «бабулю» изготовили из потрясающе твердого черного камня, привезенного бог весть откуда. Некоторые фантазеры даже предполагали, что Чертов Палец был братом мусульманской святыни – Каабы и прилетел к нам из космоса.

Не знаю, верно это или нет, но, по уверениям знающих людей, черный камень обладал такой твердостью, что его не брало даже каленое зубило. Высотой около трех с половиной метров, почти круглый в сечении и примерно метр с небольшим в диаметре, Чертов Палец сидел так глубоко в земле, что до его нижней оконечности никто не мог докопаться. Ко всему прочему, начиная с метровой глубины шла каменная забутовка, что и вовсе затрудняло работу искателям сокровищ.

Но даже это не было главным. Когда-то Чертов Палец имел «лицо», судя по едва намеченным контурам рук, сложенных на животе. И кто-то этот лик безжалостно стесал, уж неизвестно каким инструментом. Поэтому с некоторого расстояния камень и впрямь напоминал палец с длинным острым ногтем. А еще у рук идола было по шесть пальцев. В общем, чертовщина, и только.

Наконец я открыл сумку и увидел «саркофаг» с вороной. Это был небольшой симпатичный ящичек-гробик из дубовых дощечек, на крышке которого Африкан красной нитрокраской начертал какие-то таинственные знаки. Судя по, так сказать, дизайну и тщательности отделки, гробик приготовили заранее. Его даже отлакировали.

У подножия Чертова Пальца я нашел самую глубокую яму, опустил туда «саркофаг» и сделал несколько снимков. Ту же процедуру я совершил и после того, как засыпал яму землей, бросив туда и сумку. Уж не знаю, какой бес в меня

вселился, но я нарвал на склоне горы букетик полевых цветов, положил его на могилу бедной вороны и сфотографировал. При этом я почему-то нервно хихикнул.

После всей этой процедуры я сел немного поодаль черного камня и закурил. Передо мной открывался великолепный вид: леса и перелески, серебристая чешуя реки, раскинувшей петли, словно сказочный китайский дракон, на фоне кое-где тронутой ранней ржавчиной кудрявой зелени, и дальние поля, уже освободившиеся от тугих колосьев, однако по-прежнему казавшиеся золотыми из-за жнивья. Солнце светило неярко, оно купалось в туманной дымке. Но все равно было тепло и приятно, а легкий ветерок ласково щекотал разгоряченное работой лицо.

И тут случилось то, чего никак нельзя было ждать. Мое внимание привлекла небольшая тучка, которая стремительно росла, увеличиваясь в размерах. Вскоре я уже мог различить, что она собой представляла. Это было скопище ворон! Огромное количество черных птиц летело по направлению Круглой горы.

Я не раз наблюдал, как стаи ворон отправляются вечерней порой по одному и тому же маршруту на ночлег, а ранним утром возвращаются на поля, чтобы подкормиться. Это было естественно и привычно. Но в данный момент часовая стрелка на моих «командирских» – память об армии – указывала на цифру одиннадцать, а в это время, как я уже знал, вороны давно харчили. Что их подвигло оставить столь приятное

и полезное занятие и дружно подняться на крыло?

Пока я думал и соображал, неожиданно подул сильный холодный ветер. Казалось, кто-то открыл заслонку и на наши равнины вырвался поток стылого арктического воздуха. Он принес с собой серые облака, которые вмиг закрыли солнце, и весь мир тотчас поблек, покрылся траурной вуалью. Тем временем воронья стая долетела до Круглой горы, и над моей головой начало твориться что-то невообразимое.

Вороны выстроились в круг и с истошными криками закрутили колесо, к которому все присоединялись и присоединялись другие черные птицы. В конце концов их стало так много и они опустились так низко, что я, сказать честно, испугался. Втянув голову в плечи, я бросился вниз и посмотрел на это диво лишь тогда, когда укрылся в кабине «мазды». Вороны по-прежнему летали над Круглой горой, и издали казалось – над Чертовым Пальцем висит живая воронка, постоянно меняющая очертания.

Озадаченный столь неординарным явлением, я не стал дожидаться конца вороньего шабаша. Вырулив по проселочной дороге на шоссе, я добавил газу, и машина понеслась к городу. Вскоре небо прояснилось, ветер утих, и природа вновь явила миру свой добрый и светлый лик. Я понемногу успокаивался, и на подъезде к городской околице кошки, которые скребли у меня на душе, убрались восвояси, и ко мне вернулась моя обычная беззаботность.

Наверное, именно из-за этого состояния я и не угля-

дел опасности, которая поджидала меня на очередном перекрестке. Я ехал по главной улице, поэтому не обращал особого внимания на машины, выезжающие из переулков. И напрасно. КамАЗ вылетел с левой стороны на проезжую часть как пробка из бутылки шампанского. Когда я увидел его, расстояние между «маздой» и бампером самосвала было не более двух метров.

Все-таки мой ангел-хранитель и в этом случае не оставил меня в своих милостях. Я вдавил педаль газа до самого пола, и машина буквально выпрыгнула из-под колес многотонной железяки. КамАЗ, не снижая скорости, пересек шоссе и исчез в переулке. Похоже, его водитель был пьян. А иначе чем можно объяснить такой смертоубийственный трюк?

Я остановился на обочине, вышел из машины и сел на траву над самым дорожным откосом – ноги не держали. Етит твою в кочерыжку! Почти два года меня расстреливали в Чечне, взрывали, даже зарезать хотели на рынке, и ничего, выжил. А тут я едва не отправился по всем известному маршруту за здорово живешь. Попался бы мне сейчас тот козел, что сидел за рулем КамАЗа...

Приехав домой, я первым делом начал искать спиртное. Увы, бутылка виски, которую я вчера успешно вылакал, была последней в моем «винном погребке». Выругав себя нехорошими словами, я переоделся и потопал в близлежащий бар. Его держал бывший бандит и рэкети́р по прозвищу Чабер. Всех его дружков выкосили менты, а он каким-то чудом уце-

лел и даже остепенился.

Когда-то мы учились в одном классе и ухлестывали за одной девицей. Но в этом вопросе вышел облом и ему, и мне. Наверное, поэтому мы и стали приятелями, хотя в школе часто дрались и недолюбливали друг друга.

Посетителей в баре было немного. Обед – это не вечер. По вечерам у Чабера тусуется большая часть молодежи нашего квартала. Обычно в такое время я не хожу в его бар. Что мне делать с несовершеннолетними соплячками и их кавалерами, успешно откосившими от армии? В свои тридцать лет на фоне этих маменькиных сынков я смотрюсь безнадежным стариком, эдаким брюзгливым патриархом.

– Привет, – сказал я Чаберу, который стоял за стойкой бара. – Подменяешь?

– Привет, – ответил бывший рэкетмен. – Поймаю эту стерву – ей-ей, замочу!

– Опять в загуле?

– Замуж вышла. И умотала в свадебное путешествие на юга, даже не помахав на прощанье ручкой. Мало того, она сказала, что может вообще не вернуться в бар. Вот зараза!

– Иди ты! – У меня от удивления глаза полезли на лоб.

Речь шла о его помощнице, которую звали Юнона. Мое удивление имело под собой основу – она на дух не переносила мужиков и терлась с девками. Вообще-то в паспорте барменша была записана под именем Юна, но она решила добавить себе значимости и взяла имя древнеримской богини

Юноны, которая была супругой самого Юпитера, повелителя богов, ни много ни мало. В общем, девка была еще тем фруктом.

– Да не за мужика, – рассеял мое недоумение Чабер. – Ходила тут к нам такая же дура со сдвигом по фазе. Вот они и скентовались. Раньше за такие дела статью схлопотали бы и на нары, а сейчас это в порядке вещей. Даже модно. Ты посмотри зомбоящик – одни голубые и розовые на экране мелькают. Блевать тянет уже от одного их вида.

Я сел в углу и начал наливать весьма недурным виски, которое Чабер держал лишь для друзей и добрых знакомых. А все то, что стояло в красивых бутылках с яркими этикетками у него за спиной, на зеркальных полках, относилось к разряду примитивного пойла, сварганенного отечественными самогонщиками. Но среди пацанов, завсегдатаев бара, не было истинных ценителей виски, и все эти подделки они принимали за чистую монету – пили да нахваливали. А Чабер лишь лыбился и подсчитывал немалую прибыль.

Я усиленно размышлял. После того, что я увидел в небе над Круглой горой, мне стало немного не по себе. И вообще, вся эта история с вороной дурно пахнет. Сначала серебряная пуля, потом стаи ворон, слетевшихся на «похороны», – мистика! – а затем КамАЗ, едва не отправивший меня на тот свет. Что за дьявольская цепь случайностей? Или это какая-то закономерность? Но при чем тут я? Получается, что целились в Африкана, а едва не попали в меня? Бред!

Нет, здесь что-то не так. Нужно разобраться. Делать мне все равно нечего, тоска зеленая, вот и займусь хоть чем-то полезным. Тем более что полезнее дела, которое должно сберечь собственную жизнь, трудно придумать. А я уже нутром чуял, что против своей воли влип в какую-то скверную историю. Мне хорошо знаком неприятный холодок, который после случая с КамАЗом угнездился между лопаток. Он был признаком надвигающейся смертельной опасности. Это предчувствие не раз выручало меня и моих товарищей, когда мы лазили по горам, отыскивая базы чеченских боевиков.

Африкан... Милый вежливый дедуля. Полунищий пенсионер, обстановка квартиры которого тянет минимум на пятьдесят тысяч зеленюю. (Это если не считать картин, фарфора и серебра.) Почему он был таким скрытным? Когда я привозил ему мешки с сахаром и крупой или ковры из химчистки, он дальше лестничной площадки меня не пускал и все перетаскивал в квартиру сам, хотя силенок у него, по идее, было маловато, что в такие преклонные годы вполне естественно. Тогда я не придавал этому факту большого значения, считая это стариковским капризом, но теперь вся история начинала видеться мне в другом свете.

– Что загрустил, старина?

Вопрос прозвучал над ухом как выстрел, я вздрогнул и резко отклонился назад.

– Да ты, брат, совсем сдал. В Чечне пулям не кланялся, а

на гражданке мух начал пугаться.

– Пеха?! Ты по-прежнему ходишь неслышно, как кот.

Возле столика стоял мой закадычный армейский дружок Петр Симаков. Я не видел его как минимум пять лет. Он куда-то уехал, и за все это время я не получил от него ни письма, ни телефонной весточки. Пеха как в воду канул. Я даже начал подумывать, что с ним стряслась какая-то беда.

– Так ведь нашу выучку не пропьешь и не потеряешь. Ну здорово, Алекс...

Мы обнялись и расцеловались. Я махнул рукой Чаберу, который внимательно наблюдал за нашими лобзаниями, тот понимающе кивнул, и вскоре мой столик ломился от хорошей выпивки и еды.

– Круто... – сказал Пеха, с восхищением глядя на это гастрономическое изобилие. – Давно такого не едал. Это же сколько все это стоит по нынешним временам? Я маленько отстал от современной жизни.

– За деньги не переживай. Я угощаю.

– Хрен ты угадал! Думаешь, я пустой? Хе-хе... – Пеха вытащил из кармана бумажник, раскрыл его, и я увидел, что он плотно набит баксами. – Так что сегодня моя очередь платить по счетам.

– Никак получил наследство? – Я был удивлен и заинтригован.

– Потом расскажу. А пока давай выпьем за встречу.

Мы выпили, съели по бутерброду с икрой и сразу же по-

вторили. «Между первой и второй промежутки небольшой – чтобы даже пуля не пролетела», – шутили мы в армии. Немного утолив голод, Пеха закурил и с удовлетворением откинулся на спинку креслица.

– А что, брат, хорошо тут у вас... – сказал он и окутался сизым дымным облаком.

– Как ты здесь оказался? Ведь твой дом на другом конце города.

– Зазноба тут моя живет. Вернее, жила. Приехал навестить.

– Куда-то съехала?

– Хуже. Вышла замуж... зараза! Вот и верь бабам. Клялась, что будет ждать, но едва я уехал, как спустя полгода ее потащили в ЗАГС. И уже, кстати, брюхатую.

– Все, что ни есть, – к лучшему, – заявил я философски.

– Может, и так.

– Не горюешь?

– С чего бы? Умерла так умерла. Нонче девок на одного парня целый взвод. Так что у меня все еще впереди.

– И то верно. Только современные девицы предпочитают бизнесменов. Им такая гопота, как мы с тобой, на одно место упала.

– Ты тоже до сих пор не женился?

– Я же говорю, что девушки любят богатых и красивых. Я, конечно, богат, но духовно, а что касается красоты, то моей мордуленцией только непослушных детишек пугать.

– Брось. Не прибедряйся. То, что твою физиономию слегка осколками покорябало, не беда. Шрамы украшают мужчин. Зато вон ты какой здоровущий вымахал. В нашей роте с тобой никто не хотел выходить на спарринг. Даже я боялся. Твоими кулачищами только тесто месить. А тут – по мордам.

– Спасибо, утешил. За что и выпьем.

– Наливай...

Пеху потянуло на откровения только после того, как бутылка отборного виски показала дно.

– Почему не спрашиваешь, где я был все эти годы? – Мой армейский друг засмолил очередную сигарету и уставился на меня удивительно трезвым взглядом.

Я знал это состояние. Наша служба в десанте была богата на маленькие и большие тайны, и самой серьезной, самой тягостной проблемой на гражданке оказалась невозможность из-за подписки рассказать посторонним о своих приключениях и вообще о своей армейской жизни. И мы – бывшие соратники по оружию – изливали душу лишь во время редких встреч. А иногда так хотелось выговориться...

Похоже, и Пеха оказался в такой же ситуации. Только его намерение отвязать язык, судя по всему, не имело никакого отношения к нашей армейской службе.

– Я не очень любопытен, ты это знаешь, но, если честно, такой вопрос уже полчаса вертится у меня на языке.

Пеха коротко хохотнул:

– Не могу я на него честно ответить, дружище. – Он при-

нял загадочный вид. – Это чтобы между нами не было неясностей. И чтобы ты не забивал голову разными глупостями. Могу только сказать, что работал я по нашей воинской специальности. И все! Точка.

Я рассматривал его загорелую до черноты простодушную физиономию и мысленно едва сдерживал смех. Тоже мне конспиратор... Такой загар можно получить только в Африке. Я уже видал ребят, которые работали на Черном континенте в качестве «диких гусей» – наемников. У них была именно такая кожа – почти черная и сухая, а сами они напоминали отощавших до предела псов – точно как сидевший передо мной Пеха.

«Врешь ты все, балабол, – подумал я, потянувшись за сигаретой. – Тебе страсть как хочется поделиться со мной сокровенным. Ведь никому другому, кроме меня, ты не рискуешь открыть свои тайны».

Я скептически посмотрел на Пеху и коварно ухмыльнулся.

– Кончай лыбиться! – рассердился мой армейский друг. – Я серьезно.

– Так ведь и я клоуном не работаю. Ты где кантовался, в Гвинее или Сомали?

– Вот змей! – Пеха огорченно крикнул. – Все-таки догадался.

– Подумаешь, тайны мадридского двора... Зная твой неумный характер, можно было не сомневаться, что ты обя-

зательно влипнешь в какое-нибудь дерьмо.

– Брось. Деньги не пахнут. А я, как ты помнишь, после армии едва побираться не пошел. Ни работы, ни перспектив. Хорошо, ты подбрасывал мне на пропитание, иначе точно пошел бы и завалил какого-нибудь богатого буржуина. А там зона – и все, кранты. Оттуда я вряд ли бы вышел.

– Ну и как тебя заманили в стан «диких гусей»?

– А, это еще та история... Немного помыкавшись, я решил пойти служить по контракту. Просмотрев мое личное дело, военком – сытая морда! еще тот котюра – сказал, что меня, конечно, возьмут на контракт, но есть и другие возможности для таких парней, как я, хорошо заработать. Риск больший, зато и деньги гораздо серьезней. Долго раздумывать я не стал – в тот момент мне было безразлично, за кого или против кого воевать, лишь бы хорошо платили. И я согласился. После сборов, длившихся неделю, где я познакомился с остальными членами команды, нам приказали собраться в условленном месте. Нам предписывалось быть коротко (но не слишком) подстриженным, борода и усы исключались. Форма одежды – неброская, гражданская. Повезли на аэродром, посадили в гражданский самолет. Уже в Африке мы пересели на транспортник. Оказались на военной базе. Какой? Ну, это уж точно тебе ни к чему. Там нас переодели в камуфляж без знаков различия. Представили нашего командира на время проведения операции – прапора в годах, повадками очень смахивающего минимум на подполковника.

Его приказы, само собой, не обсуждались...

Пеха закурил, несколько раз жадно затянулся и продолжил:

– Мы сдали все личные вещи и погрузились в вертолет. В полете получили боевую задачу. По прилету на место каждому вкололи дозу какой-то дряни, чтоб во время операции ни есть, ни пить, ни спать, ни отправлять естественные нужды не хотелось. Марш-бросок – сто километров. Задача: в деревне под охраной содержится человек, которого нужно или вывести оттуда, или ликвидировать. К деревне вышли удачно, нас там не ждали. Отработали без потерь. Пленного пришлось ликвидировать. Его пытали, сам он уже идти не мог. Когда отходили, поставили несколько растяжек. Услышали два взрыва, ясно было, что погоня за нами прекратилась. Опять марш-бросок. Пришли в деревню. Туда и прилетел вертолет. Пилот летел за «геологической партией», а тут – мы... Эвакуировались. Трое суток отходили... Выжили благодаря беспробудной пьянке. И само собой – расчет. Заплатили очень даже прилично. Мне этот момент очень даже понравился! – Пеха хохотнул. – Без особых хлопот заработать три штуки зеленыю – это супер. Правда, так хорошо платили нечасто.

– А если бы вас там и положили? Ведь бывает же, что наемников ликвидируют как нежелательных свидетелей.

– Конечно бывает, а вот насколько часто... Про то мне неизвестно. Ведь если уничтожают, то всех, об этом расска-

зять уже некому.

– Какие-нибудь премиальные у вас существовали?

– Нет, конечно. Задача должна быть выполнена именно так, как она поставлена. Инициатива в этом деле не поощряется. Один мой приятель попал как кур в ошип. Была поставлена задача: уничтожить два кому-то мешающих селения. Срок – месяц. Команда постаралась, и управились за две недели. Так им половину оговоренной суммы и выплатили. Если вооруженный конфликт должен продолжаться месяц – значит, месяц, и ни днем меньше, ни днем больше. Да и за лишние головы тоже никто платить не намерен.

– А бывало, что вы встречались на поле боя с наемниками, знакомыми по прежним совместным операциям?

– Бывало. Иногда попадают даже выпускники одного и того же училища.

– И какие чувства ты испытывал, увидев в команде противника старых знакомых?

– Да никакие. Некогда. Увидел – сразу стреляешь. У «диких гусей» – наемников – философия на этот счет проста: или ты его, или он тебя. Прав тот, кто выжил. Нет ни хороших, ни плохих парней, а есть люди, выполняющие свою работу. Просто в этот раз они оказались по другую сторону баррикады. Бывало так, что сегодня ты воюешь против него, а через полгода с ним же водку пьешь. И никаких эмоций – работа такая, ничего личного. Да и столкнувшись с такими же профессионалами, стараешься отойти. Пока отстрелива-

ешься, рвешь когти, смотришь – а их тоже уже нет. Хотя в Африке наиболее частая работа – инструкторская. Дают тебе сорок отловленных в джунглях негров, и ты за неделю пытаешься научить их пользоваться оружием. Одним словом – пушечное мясо. Уже на второй день они отпиливают у винтовок приклады – говорят, в джунглях так сподручней. А что попасть потом в цель из такого оружия сложно – до них это как-то не очень доходит.

– А как можно найти «покупателя»?

– Что, и тебе приспичило?

– Нет. Просто интересуюсь.

– Как рассказывали новобранцы, сейчас с этим сложнее стало. Один из вариантов – попытаться выйти на вербовщика в военкоматах, хотя и это не очень просто. Можно попробовать попасть во французский Иностранный легион – взять туристическую путевку в славный французский город Лион и там предложить свои услуги. Можно попытаться самостоятельно добраться к месту боевых действий.

– То, что человек сам предлагает свои услуги, как-то называется на оплату?

– Нет. Здесь проблема в другом. Белому человеку сложно оказаться в той же Африке. Белых наемников там ненавидят, и смерть прийти может от кого угодно – от старика с луком и отравленными стрелами, от десятилетнего ребенка с калашом. А если такой фраер все же добрался и его взяли – платят как всем. Но шансов попасть именно к нужным

людям практически никаких. К тому же там не очень любят брать тех, кто сам слишком уж рвется воевать, – романтически настроенные юноши, садисты и дебилы никому не нужны. Война – это очень серьезная, грязная работа. Ты сам это знаешь. В ней мало места романтике и удовлетворению каких-то прихотей.

– Короче говоря, жизнь тебя покатала...

– Еще как.

– Вернешься?..

– Да ни в жисть! Манал я этих ниггеров и их «благословенную» Африку. Что самое паршивое было, так это местный гнус. От него нет спасу. Никакие спреи не помогают. Особенно когда сидишь в засаде, где даже шевельнуться лишний раз нельзя. Эти мелкие твари вплоть до мошонки добираются. Вот это муки, я тебе доложу.

– Работу уже присмотрел?

– Рано. Я при деньгах, так что спешить мне некуда. Пооботрись немного на гражданке, глядишь, найду что-нибудь приличное.

– И то верно.

– А знаешь, вышел у меня в Африке один интересный случай... Ты веришь в мистику?

Вопрос застал меня врасплох. Мало того, он снова воскресил в памяти и убиенную птичку Африкана, и тучи воронья над Круглой горой, и самосвал, который едва не сделал из меня одесский форшмак. Я невольно вздрогнул и, кажется,

побледнел. Пеха заметил мое состояние и встревожился:

– Ты чего?

– А... – Я вяло отмахнулся. – День выдался суматошный. Моя тачка едва не попала в аварию.

– Это бывает. Машин стало на улице – как грязи. Я пока добрался сюда на такси, больше часа в пробке кантовался. То ли дело африканская саванна – простор! Едешь куда хочешь, и никакая сволочь тебя не остановит, чтобы вклеить штраф за превышение скорости. – Тут Пеха снова хохотнул. – Ну разве что из-за кустов, автоматной очередью...

– Так что там у тебя в Африке стряслось? – спросил я, чтобы быстрее сменить неприятную для меня тему.

– Однажды нам пришлось освобождать одну деревню от таких же «гусей», как мы. Меня послали разведать обстановку, и я нечаянно наткнулся на место, где производилась экзекуция жителей деревни. Отвратительное зрелище! Я, конечно, привык к крови, но то, что мне довелось увидеть, буквально перевернуло мою душу. За деревней находилась небольшая рощица, и мои, так сказать, «коллеги» из вражеского лагеря развлекались, отрубая неграм голову старинным (видимо, семейным) ятаганом. По разговорам я понял, что это янки, а поэтому долго не размышлял. Они как раз хотели сделать секир-башка белобородому древнему старику с удивительно светлой для негров кожей. Я дал очередь и завалил троих, а один оказался ну очень шустрым и спрятался за корневищем. Уж не знаю, что меня толкнуло на этот

подвиг, но я не стал устраивать с ним перестрелку (некогда было менять пустой рожок), а рванул вперед, как на буфет, и мы схватились с янкесом врукопашную.

Пеха налил себе колы и жадно выпил бокал до дна. А затем продолжил свой рассказ:

– Должен сказать тебе, Алекс, американцы неплохо учат своих псов войны. Здоровый попался бык. Сержант, судя по нашивкам. А еще садист и сволочь – у него на груди висело ожерелье из ушей убитых негров. Наверное, для понтов. Чтобы показать, какой он крутой. Сцепились мы с ним, как два волка во время гона. Может, американец и отступил бы, но тут я выругался по-русски, и этот «гусь» понял, кто перед ним. Похоже, он понимал нашу речь. Видимо, был спецом по России. Короче говоря, понеслась потеха. В какой-то момент я проморгал один его коварный приемчик, и американец едва не засадил мне в бочину свой «танто» с двухсторонней заточкой. Я упал, он навалился на меня, и моя бедная душа вот-вот должна была затрепетать невидимыми крылышками и вознестись на небо – янкес был как каменная глыба, и я понимал, что мне уже из-под него не вырваться. И тут случилось неожиданное. Он вдруг ни с того ни с сего ослабил нажим, и я сумел перехватить руку с ножом, а затем, сбросив с себя тушу янки, я вогнал ему в горло его же «танто». Уф!

От воспоминаний Пеха так разволновался, что даже вспотел. Промокнув бумажной салфеткой пот со лба, он наконец поставил в своем повествовании эффектную точку:

– Когда я поднялся на ноги, то увидел, что рядом стоит спасенный мною седобородый старец и что-то бормочет, потряхивая амулетами. Он был в трансе – ничего не видел и не слышал. Подождав, пока старый перец придет в себя, я знаками показал ему, что мы (в это время бой в деревне уже заканчивался) друзья его народа. Он хмуро кивнул, снял с себя какую-то хрень (как мне тогда показалось) и вручил мне ее со словами: «Носи, и тебя не возьмет ни пуля, ни нож». А говорил он, между прочим, по-русски! Правда, с сильным акцентом. Если честно, я обалдел. И пока приходил в себя, старика словно нечистый прибрал. Вот он был, стоял передо мной – и вот его нет. Хоть в разведку деда бери. И только после этого до меня дошло, что это старик наколдовал мне победу над янки. Правда, по истечении некоторого времени я начал сомневаться в этом умозаключении, но амулет все-таки нацепил на шею. И что ты думаешь – старик оказался прав! Раньше мне немало доставалось, ты это знаешь, но за все эти годы – ни одной царапины. А мне приходилось несколько раз попадать в серьезные переделки.

– Ты и сейчас его носишь?

– А как же. Вот, смотри... – Пеха расстегнул рубаху.

Там, рядом с православным крестиком, висели на кожаном гайтане пестрые перышки какой-то птицы и конический камешек, круглый в сечении, похожий на пулю от патрона трехлинейки. И он светился, словно полудрагоценный камень опал.

Я сразу догадался, что это, – видел в геологическом музее. Это был опализированный ископаемый белемнит. Были когда-то в глубокой древности такие моллюски, внешне похожие на кальмаров. Лучше всего в ископаемом состоянии сохраняется ростр белемнита – прочное коническое образование на заднем конце тела. В народе их называют «громовая стрела», «стрелы Перуна» и еще как-то. Белемниты можно найти на любом континенте. Но опализированные встречаются только в Австралии. Каким образом этот амулет попал в Африку?

– После этого случая я уверовал, что есть нечто такое... – Пеха прищелкнул пальцами. – В общем, словами не передать.

– Смотри не допрыгайся до пациента психоневрологической клиники. Тебе просто повезло. Лучше думай так.

– Не-ет, дружище, я с тобой не согласен. А чтобы и ты уверовал, дарю тебе одно перышко, самое красивое. Ты мне как брат, поэтому мне для тебя ничего не жалко. Пусть мы сейчас и на гражданке, но вокруг полно опасностей. Только дай слово, что не выбросишь!

– Гад буду! – Я уже здорово опьянел и почувствовал, что меня понесло. – Спасибо, Пеха.

Мой армейский дружок протянул мне перышко, и я спрятал его в бумажник.

– Только купи медальон, спрячь в него перо и повесь на шею, – посоветовал Пеха. – Так надежней, гарантированно

не потеряешь.

– Бу сделано. Выпьем?

– Спрашиваешь...

Нагрузились мы изрядно. Конечно же Пеху домой я не отпустил, пригласил в гости, потому как мы просидели до позднего вечера. Зная его шепутной характер, я боялся, что моего армейского друга может потянуть на приключения. Что всегда чревато. Тем более в ночное время.

Мы шли по сонным улицам города и орали во все горло песню «солдат удачи»:

...Ну а если кто-то помер,
Все равно играем в покер,
Виски пьем и не тоскуем ни о чем.
Есть у каждого в резерве
Деньги, женщины, консервы
И могилка, занесенная песком.

Что ж, день, конечно, выдался не ахти, но вечер явно удался.

Глава 3

Кровавое преступление

Конечно же мы почивали так крепко, что хоть из пушки стреляй. Вообще-то я сплю чутко – армейская привычка, – но присутствие рядом верного, надежного друга на какое-то время приглушило инстинкт самосохранения, который за годы службы в горячей точке развился до гипертрофированных размеров.

Проснулся я от шума возле дома. Он был гораздо сильнее, чем обычно, и это меня подвигло на «марш-бросок» к окну – я плелся, как старый мерин, испытывая отвращение к самому себе. Это же надо было так нажраться! Зачем нужно было брать у Чабера еще одну бутылку виски с собой?! Естественно, мы и ее укатали, уже на моей кухне, притом почти не закусывая. Вот идиоты...

Возле дома творилось нечто невообразимое. Под нашим подъездом стояла «скорая», теснилось несколько милицеских машин и волновалась толпа жильцов. Похоже, кого-то завалили... – подумал я меланхолически – эка невидаль! – и поспешил на кухню, чтобы потушить пожар внутри кружкой капустного рассола. Это мамка расстаралась, сделала мне большую кастрюлю капусты быстрой засолки. В армии, где вся еда была в основном пресной, я так соскучился по раз-

носолам, что у меня текли слюнки от одного их вида.

Стреляли в нашем городе часто. К огнестрельному оружию добавилось еще и травматическое, разрешенное «мудрыми» законодателями, и толпа молодых придурков как минимум раз в месяц устраивала настоящие баталии: то район на район шли, то затевали разборки с гастарбайтерами, в основном узбеками и таджиками. Однажды я и сам едва не попал под раздачу, да выручила армейская сноровка – мигом сиганул через забор и был таков. Мне, ко всем моим радостям, только и не хватало покалечить в драке какого-нибудь юнца – греха потом не оберешься. Береженого Бог бережет.

Едва я «полечился», как в дверь требовательно позвонили. Я даже не стал смотреть в глазок, так как был уверен, что это менты. Есть у них какой-то неуловимый почерк, связанный с вторжением в жилище, – смесь превосходства, нахальства и державности. Короче говоря, что ни мент, то пуп земли. Даже электрический звонок это понимает и звонит с подобострастной громкостью и настырностью.

Я открыл дверь и увидел сначала местного участкового, лейтенанта Васечкина (он был в форме), а затем угрюмого мента в штатском, который стоял за его спиной. Неужто прикрываюсь Васечкиным, как щитом? – мелькнула у меня мыслишка. А что, вполне возможно. Выстрел через дверь очень паршивая штука. Даже спецы во время зачисток иногда ловятся на такие заманухи. Васечкин знал, что я не опасен и не стану баловаться огнестрельным оружием, но менту в штат-

ском это не было известно, и он поостерегся.

– Гражданин Богданов? – спросил мент.

– Он это, он, – поторопился подтвердить участковый.

– Меня больше устраивает обращение «товарищ», – ответил я сухо. – Или, на худой конец, ситуайен, сиречь гражданин по-французски.

Я чувствовал себя нелепо: небритый, немытый, в мятых семейных трусах и стоптанных тапочках. «Надо было подержать ментов за дверь и привести себя в порядок», – подумал я с сожалением и коротко вздохнул – уже ничего не исправишь. Пусть принимают меня таким, как есть.

– Нам нужно поговорить, – сказал мент, проигнорировав мой нахальный выпад. – Можно зайти в квартиру?

– Какие проблемы... Проходите в гостиную. А я, с вашего позволения, оденусь.

Пригласить их на свою просторную светлую кухню, где обычно обретались все мои гости, я не мог, потому как там был настоящий свинюшник. Особенно на столе, который я так и не убрал. Не до того было...

Быстро почистив зубы и плеснув в лицо холодной водой, я натянул спортивный костюм и предстал перед ментами как огурчик. Правда, не свежий, а соленый.

– Где вы были с восьми вечера и до двенадцати ночи? – сухо спросил мент.

– Извините, но мне хотелось бы услышать вашу фамилию. А если не жалко, то еще и имя-отчество. Не могу же я обра-

щаться к вам «гражданин начальник» или «господин хороший».

– Завенягин Валерий Петрович, убойный отдел, – невозмутимо представился мент; при этом на его неподвижном лице не дрогнул ни единый мускул. – Майор.

– Богданов Алексей Михайлович, – ответил я церемонно. – Безработный.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– С восьми вечера до двенадцати... Тут и думать нечего – в баре... – Я назвал, в каком именно, сообщил и адрес.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– А в чем, собственно говоря, дело? Никак хотите проверить мое алиби?

– Да, – не стал хитрить майор. – Проверка касается не только вас, но и всех жильцов подъезда.

– Так что все-таки случилось?!

Тут я почувствовал, что где-то у меня внутри словно натянулась толстая струна и даже зазвучала – предостерегающе. Мент из убойного отдела... Выходит, наш подъезд попал в милицейские сводки? Но кого завалили? У нас тут живут в основном старики. Правда, многие из них когда-то занимали видные посты в областном масштабе (как и мой дед), но теперь они стали песком времени, которое неумолимо и безжалостно разжевало своими стальными челюстями эти когда-то крупные каменные глыбы. (По крайней мере, они казались такими самим себе.)

– Убит ваш сосед сверху, Брюсов, – ответил майор.

– Африкана... убили?! – Я вытаращил глаза, но не на майора, а на участкового Васечкина.

Тот закивал.

– Точно так, – сказал Васечкин скорбно. – Убили деда и ограбили.

– Мать твою... – Я как стоял, так и сел. – Что творят, гады!

Моя реплика была гласом вопиющего в пустыне. Майор смотрел на меня холодными, ничего не выражающими глазами – явно ждал, когда я наконец сумею подтвердить свое алиби.

– Спросите у бармена. И еще у нескольких человек... – Я назвал имена завсегдатаев заведения, которые сидели рядом с моим столиком.

– Спросим, – сказал Завенягин. – В котором часу вы легли спать?

– Поздно, – ответил я, но тут же спохватился: – Пардон – рано.

– То есть?..

– Рано утром. Примерно около четырех утра.

– Что так?

– Не спалось, – буркнул я.

Мне совсем не хотелось рассказывать менту, что мы с Пехой не только лакали виски (в основном пили за упокой наших боевых товарищей), но и пели жалобные песни, что называется, «со слезами на глазах». Нам казалось, что негром-

ко... И вообще, мне хотелось побыстрее выпроводить незваных гостей, чтобы они не узрели похмельного Пеху. В таком состоянии он неуправляемый и может нагородить черт-те что.

Ну да, фиг я угадал...

– А что это за мордуленции, Алекс? – раздался хриплый голос, и Пеха нарисовался в дверном проеме как ясный месяц.

Конечно же он был в одних трусах и при своем амулете, который в сочетании с православным крестиком смотрелся несколько дико. Судя по отсутствующим глазам, ему или сильно хотелось в туалет, или – что более вероятно – похмелиться.

– Милиция, – ответил я коротко.

– О! У тебя что, ментура в корешах ходит?

– Люди пришли по делу, – сказал я с осуждением.

А мысленно взмолился: «Пеха, вали в сортир!

Или куда еще. Только подальше от кухни».

– Угу... – Пеха глубокомысленно кивнул. – У тебя сто грамм найдется?

– Откуда?

– Понял. Слышь, брателла! – обратился он к Васечкину, сразу определив, что мент в штатском выше участкового по званию. – Сгоняй в магазин. Это рядом. Душа горит. Возьмешь две бутылки вискаря: одну мне, одну вам. Сейчас принесу деньги.

– Минуту! – остановил его майор. – Как ваша фамилия, гражданин? Предъявите документы!

– Во дает... – Пеха засмеялся. – Откуда я их достану? Из широких штанин? Так это запросто... – Он засунул руку в трусы.

– Петр! – рявкнул я. – Отставить!

– Слушаюсь, товарищ старший сержант! – Пеха дурашливо козырнул, прикрыв голову ладонью левой руки – изобразил головной убор.

– Это мой армейский друг, – объяснил я майору. – Петр Николаевич Симаков.

– Документы! – Похоже, майор завелся; видимо, ему очень не понравилась выходка Пехи, который был еще не вполне трезв.

– У тебя есть что-нибудь? – спросил я Пеху.

– Найдем. Читательский билет в областную библиотеку сойдет?

– Кончай дуру гнать! – Я разозлился. – Хочешь попасть в обезьянник?

– Ни в коем случае! Уже бегу.

Пеха принес изрядно помятый паспорт. Интересно, где он его держал? Наверное, так думал и майор, потому что исследовал документ с необычайной тщательностью. Во время проверки Пеха был спокоен, как слон после водопоя, – паспортные данные у него были в полном порядке.

– Что вы делали в квартире гражданина Богданова? –

спросил майор, остро глядя в похмельные глаза Пехи.

– Виски пил, – ответил тот, безмятежно улыбаясь. – Чинно и благородно. Даже без девочек. Мы отмечали встречу. Не виделись с самой армии.

А потом спали. Между прочим, в разных спальнях.

– Понятно... – Майор окинул взглядом крепко сбитую фигуру Пехи, сплошь покрытую шрамами (ему на ранения везло куда меньше, чем мне), и смягчил тон. – Где-то в районе полуночи вы ничего подозрительного не заметили?

Вопрос адресовался нам обоим. Пеха пожал плечами, а я озвучил его ответ – весьма аккуратно:

– Мы были чересчур заняты воспоминаниями о воинской службе...

Васечкин и майор переглянулись, и Завенягин впервые за все время изобразил улыбку (которая не очень ему удалась). Мужики есть мужики. Как проходят такие «воспоминания», им не нужно объяснять.

– Извините, что мы вас побеспокоили, – сказал майор и встал. – Вот моя визитка. – Он положил ее на стол. – Если что-то вспомните – позвоните.

– Всенепременно, – ответил я елеинным голосом подхалима, энергично закивал, и милиционеры потопали к выходу.

Первым вышел на лестничную площадку майор, а Васечкина я придержал за рукав. С лейтенантом мы были в дружеских отношениях, потому что учились в одном классе. Поныкавшись после армии в поисках хорошо оплачиваемой ра-

боты, он плюнул на свои мечты быстро разбогатеть и поступил учиться в школу милиции.

– Никита, что там? – спросил я, указывая пальцем на потолок.

– Ужас! – почему-то шепотом ответил Васечкин. – Старика не просто убили, его буквально порезали на куски. Похоже, пытали. Кровищи... – Мой одноклассник вдруг сильно побледнел и судорожно сглотнул. – В квартире настоящий разор. Все перевернуто вверх дном. Видимо, убийца что-то искал. Наверное, деньги и ценности.

– Но как убийца мог проникнуть в его квартиру? Ведь Африкан и соседей не пускал к себе.

Васечкин развел руками и ответил:

– Непонятно... Замки в порядке. В них никто не ковырялся, как утверждает эксперт. Значит, дверь Африкан открыл самолично. Поэтому весь подъезд на подозрении. Ведь чужих дед точно не впустил бы в квартиру, тем более вечером.

– Что-нибудь украдено?

– Вопросы ты задаешь... Фиг его знает. Вроде все на месте. А там – поди знай.

– Кто вызвал милицию?

– Соседка по площадке, Чулкова. Увидела, что дверь в квартиру приоткрыта, зашла, увидела все – и упала в обморок. По крайней мере, так она утверждает. Потом очнулась – и к телефону.

Старуха Чулкова была еще тем кадром. Обычно ее клика-

ли по отчеству – Потаповна, но за глаза звали Чучундрой. Так называлась мускусная крыса из рассказа «Рикки-Тикки-Тави» английского писателя Редьярда Киплинга. Кто прилепил старухе это прозвище, история умалчивает. Но я подозреваю, что мой дед, большой шутник и книгочей.

Поговаривали, что в свое время Потаповна стучала на соседей в те самые органы, о которых западные журналисты до сих пор в своих пасквилях на Россию с внутренней дрожью пишут «ФСБ – наследница КГБ». Но, как говорится, не пойман – не вор, доказать, что она была сексотом, общественность так и не смогла.

Однако Потаповна-Чучундра слыла настоящей пронирой. Она собрала обширное досье на всех жильцов дома и знала всю их подноготную. Для нее было огромным удовольствием сообщать соседкам – таким же древним старушкам, как и она сама, – разные пикантные подробности из жизни уважаемых новых русских, купивших квартиры в нашем доме.

Так что ее интерес к приоткрытой двери соседа по площадке был вполне объясним. Она уже много лет набивалась в гости к Африкану, но неизменно получала отлуп. Это только подогревало ее интерес к затворнику, и будь у Чучундры побольше силенок, она взяла бы жилище старика штурмом, въехав в квартиру на его плечах.

Так она поступила и со мной, когда я принял наследство, – ворвалась в квартиру внаглую, когда я открывал входную

дверь. Не гнать же ее пинками... Но с Африканом (и это она хорошо знала) такой номер точно не прокатил бы.

– Так ты и вправду ничего не слышал? – с недоверием спросил участковый. – По-моему, ночью наверху у тебя был настоящий тарарам.

– Никита! Я что, идиот?! Домой я пришел около двенадцати. А судя по вопросу майора, Африкана завалили до полуночи. Услышь я над головой что-нибудь подобное, немедленно поспешил бы к старику на помощь. Ты же меня знаешь.

– Да знаю, знаю... Потому и верю тебе. А вот майор из убойного... трудно сказать, что у него на уме. Ну все, я побежал! Дела... – И Васечкин выскочил за дверь.

Да уж, дела... Я был потрясен. Не нужно иметь особый дедуктивный талант, чтобы связать снайперский выстрел по вороне и страшную смерть старика. Похоже, ворона была предупреждением, и Африкан это знал. Знал! Утром, когда он пришел ко мне с просьбой похоронить Аиду, в его облике чувствовалась обреченность. А убиенная ворона послужила своего рода черной меткой, которую в Средние века посылали пираты своим товарищам, чем-то провинившимся перед обществом. Бывшим товарищам.

Но тогда возникает логический вопрос: а кто такой Африкан? Что мы (мы – это жильцы дома) о нем знали? Ровным счетом ничего. Я только помню, что мой дед сторонился Африкана, и их отношения были предельно официальными

и вежливыми: «Вечер (или день) добрый», «Как ваше здоровье?» и «До свидания».

И наконец, кому теперь передать фотоаппарат Африкана? Ведь он так и остался у меня. Я думал отдать его старику утром. И вообще – что мне с ним делать?

Выбросить – рука не поднимается: больно хорошая и дорогая вещь. А ведь фотоаппарат, как ни крути, улика. Менты тщательно обыщут квартиру Африкана и обнаружат то, что прилагается к любой подобной вещи, – упаковку, паспорт и инструкцию. Ведь аппарат был совершенно новым. И тогда у сыщиков возникнет закономерный вопрос: а где же сама вещь?

Похоже, я свалил дурака, не сообщив майору о вороне и о ее «похоронах»... Выбрасывать фотоаппарат в любом варианте нельзя. Вдруг Африкан кому-то рассказал, что машинка у меня. Ведь я не знаю о его контактах с внешним миром. Возможно, у него есть родственники, о которых никому не известно. Или «товарищи», вспомнил я про пиратов.

И тогда придут ко мне парни из убойного отдела милиции и потащат на цугундер. Кто последним видел гражданина Брюсова? Его сосед, некий Алексей Богданов. Это может подтвердить та же Чучундра. Она имела скверную привычку подолгу торчать у дверного глазка. Как только раздастся какой-нибудь шум на лестничной площадке – она уже на своем «наблюдательном посту».

А еще Богданов прикарманил фотоаппарат старика и, на-

верное, кучу денег (если судить по обстановке квартиры убиенного). В общем, подозреваемый в преступлении налицо (ведь мог старик открыть дверь соседу с нижнего этажа? конечно мог). И придется мне присесть на нары в СИЗО. Присесть надолго. Потому что вряд ли менты быстро найдут настоящего убийцу.

Так что же мне делать? Этот скверный, извечно русский вопрос предстал передо мной во всей своей неприглядной наготе.

– Пойду я...

Голос за спиной заставил меня вздрогнуть.

Я обернулся и увидел Пеху. Он уже был одет, умыт и причесан. А его совсем недавно похмельный взгляд был ясен и светел. Однако в глубине серо-голубых глаз Пехи мелькали темные тучки – он явно был встревожен.

– А позавтракать?

– Нет, Алекс, мне пора. Не нравится мне толпа ментов в твоём подъезде. А ещё больше не нравится, что мочканули твоего соседа.

– Ты все слышал? – Я догадался, что Пеха подслушал мой разговор с участковым.

– На слух не жалуюсь, – кратко ответил мой армейский друг.

– Но ты-то здесь при чем? Тебя даже в свидетели не записали.

– А при том, что меня могут повязать. Я ведь уже засве-

тился перед ментами. Начнут копать (точно начнут!) – кто такой, откуда, чем живет-дышит – и дороятся до моих заграничных «командировок». А это мне, брат, что пика под ребро. Так что я сваливаю, возможно, вообще уеду из города. Пока все не уляжется. Связь будем держать по телефону. Запиши номер моей мобилки...

Пеха ушел. Что ж, он прав – ему надо рвать когти. А мне нужно позаботиться о себе. Наша русская Фемида не только слепа, но еще и безжалостна. Особенно к тем, у кого карман пуст. Или сильно прохудился. Чтобы судиться, тем более по такому делу, никаких денег не хватит. Адвокаты обдерут клиента как липку, и все равно его посадят.

Но ему-то можно исчезнуть, а мне как быть? Я теперь даже на неделю не могу куда-нибудь отъехать, потому что это будет выглядеть подозрительно. И потом, я совершенно не сомневался, что майор Завенягин так просто в покое меня не оставит. Это еще тот волчара, судя по взгляду. Сыщики-профессионалы не верят никому и ничему, пока сто раз не проверят. Значит, меня будут «прокачивать». Собственно, как и Пеху.

Оставалась надежда на то, что убийцу Африкана найдут быстро. Но она была настолько слабая, что я совсем в нее не верил.

Фотоаппарат... Куда его деть? Это пока было главным. У матери или родственников держать его нельзя, могут найти. Но и выбрасывать опасно. Ну как меня зацепят? В таком слу-

чае фотоаппарат может оказаться моим главным козырем. Так же как и серебряная пуля.

На чердак! Нужно спрятать его на чердаке! Он в нашем доме был таким просторным, что на нем, пока не появились современные стиральные машины, тетки сушили белье. На чердаке можно было ходить не нагибаясь. Во времена моего детства местные пацаны устраивали там разные игры, но теперь чердак пустовал, потому что в нашем доме жили почти сплошь старики и детей было мало. А отпрыски новых русских такие примитивные развлечения игнорировали. По-моему, они уже и рождаться начали с пальцами враслопырку.

Выглянув из окна, я облегченно вздохнул – слава богу! Подсматривать за мной было некому. Чучундра сидела на скамейке недалеко от дома, в скверике, и что-то вдохновенно рассказывала таким же старушенциям, как и сама. Она не просто говорила, а вещала, размахивая руками, словно записной оратор. Вот он, миг славы! Раньше с ней не очень любили общаться – в отличие от прилипчивой всезнайки Жу-жи, – но теперь, в связи с убийством Африкана, она мигом стала знаменитостью и очутилась в центре внимания местной пенсионной общественности. Представляю, что там она плетет...

Я тихо вышел из квартиры и быстро поднялся на чердак. Люк, как обычно, был не заперт, хотя амбарный замок висел – для видимости. Я знал, что он сломался лет десять назад, и с той поры никак не могли собрать деньги на покупку нового.

В подъезде образовались две партии: одна ратовала за то, что ход на чердак нужно обязательно держать запертым, а вторая настаивала на свободном посещении чердачного пространства, ведь на всех ключей не напасешься, да и дорого это, а из-за какой-то мелочи в ночь-полночь тревожить будущего ключника просто неприлично. И потом, его ведь можно и не застать дома, когда кому-то срочно понадобится слазить на чердак.

Мне не приходилось бывать на чердаке, образно выражаясь, сто лет. И я приятно удивился, увидев там чистоту и порядок. Видимо, наши старушки регулярно подметали чердачное перекрытие – те немногие свободные места, где еще не громоздился разный хлам.

Времена быстро меняются, в квартирах появилась новая мебель, импортные телевизоры и холодильники, а все старье начали сносить на чердак. Я понимал стариков: с годами так сживаешься с вещами, которые тебя окружают, что они становятся едва ли не родственниками, только неодушевленными. И выбросить на свалку бабушкин комод значило оторвать кусочек своего сердца.

Поэтому такие вещи (иногда едва не антикварные) сначала отправляли на чердак. С легендой: «Как только появятся деньги, так сразу и вывезем». (Нужно отметить, что и впрямь услуги подобного рода – машина и грузчики – влетали в копеечку.) Но эта легенда служила лишь отговоркой. Просто расстаться с вещами, служившими долгие годы, у стариков

не хватало душевных сил.

Таким образом, чердачное пространство постепенно заполнялось разным барахлом. Что было очень неприятно с точки зрения противопожарной безопасности. Но кто о ней думает, пока в задницу не клюнет жареный петух?

Поразмыслив, где лучше спрятать фотоаппарат, – он находился в коробке и целлофановом пакете, – я принял самое мудрое, как мне показалось, решение. Когда-то в доме было печное отопление, и от него остались дымоходы. Раствор уже начал крошиться от времени, и вынуть кирпич из кладки не составляло особого труда.

Я решил, что прятать фотоаппарат в какую-нибудь тумбочку опасно – вдруг эту рухлядь все-таки вывезут. А дымоходы никуда не денутся.

Чтобы добраться до одного из дымоходов, мне пришлось здорово потрудиться: сдвинуть громоздкий и тяжеленный шкаф. Освещение было вполне сносным благодаря чердачным окнам. Так что фонарик, который я прихватил с собой, оказался ненужным.

Мне открылся широкий дымоход, и я от удивления даже присвистнул – его сложили совсем недавно! По крайней мере, позже чем остальные. Прикинув, кто бы мог его соорудить, я понял, что он находится как раз над квартирой Африкана. Камин! Ну точно же – у старика был камин. Как я о нем мог забыть?

Камин был пристроен к стене, за которой находилась кух-

ня. Когда я его увидел, то успел лишь машинально отметить, что он большой, как в рыцарских замках, и отделан дорогим итальянским мрамором, а на каминной полке стоят старинные бронзовые часы с фигурой козлоногого фавна, играющего на свирели. Наверное, Африкан любил промозглыми осенними и зимними вечерами сживать у камина, попивая доброе вино и вспоминая счастливые старые времена. Интересно, откуда у него барские замашки?

Я присмотрелся – и мое сердечко ёкнуло. Возле трубы висела горка цементного крошева и комья сажки, а в кладке виднелись щели, потому что там не было раствора. Я быстро разобрал ее и заглянул в зев дымохода. Он имел вполне приличные размеры. Худощавый человек мог преспокойно проникнуть через каминную трубу в квартиру Африкана, спустившись туда по веревочной лестнице. Так вот как оно все случилось!

Никому старик входную дверь не открывал. Его застали врасплох. Он, конечно, ожидал, что может произойти нечто подобное, в этом я был уверен, но никак не мог предполагать, что убийца вылезет из камина.

Быстро уложив вынутые кирпичи в кладку (при этом постоянно оглядываясь – мне чудилось, что преступник все еще таится на чердаке), я задвинул дымоход шкафом, какой-то тряпкой протер его бока – места, где я оставил отпечатки своих пальцев, – и облегченно вздохнул. Конечно же менты не доперли, что убийца воспользовался каминной

трубой. Но помогать им в этом я не намерен. Каждому свое, как говорили древние. Пусть ищут.

Вообще-то, по здравом размышлении, каминная труба мое самое козырное алиби – я бы в ней застрял. Но я предъявлю его лишь тогда, когда меня загонят в угол. (Тьфу! тьфу! Я сплюнул через левое плечо.) Мне почему-то совсем не хотелось фигурировать в этом деле даже в качестве свидетеля. От него явно пахло чертовщиной, а я не святой угодник, который одной молитвой может разрушить все козни нечистого.

Фотоаппарат я спрятал за балкой, забравшись как можно выше. Тайник был не хуже, чем в дымоходе. В конце концов, фотоаппарат – это не килограмм золота в слитках. Ежели его кто-то и сопрет, то что ж, так тому и быть. Невелика потеря.

Очутившись в квартире, я первым делом полез под душ, потому что тело стало липким от пота. Удивительно, но я испытывал такой сильный мандраж, будто была дана команда «Приготовиться к бою!», причем с превосходящими силами противника. Давно меня так не колотило...

Африкан, Африкан... Кто ты, таинственный дедуля? Эта мысль не давала мне покоя. Я и так и эдак пытался выбросить ее из головы, вымести метлой, но она упорно возвращалась, вызывая раздражение и неудовлетворенность. Уж такое свойство человеческой натуры – искать себе приключения на одно место. Я не был исключением. В конце концов мне так сильно захотелось навести справки об Африкане, что я

плюнул на свои опасения (а они были, были! сидели возле сердца как заноза) и позвонил другу моего дорогого дедули. Уж он-то должен был хоть что-то знать про убиенного соседа.

К телефону долго не подходили, и я забеспокоился – жив ли Георгий Кузьмич?! Он был сильно в годах. Я не виделся с ним несколько лет – с той поры, как схоронил своего деда. Мы встретились на поминках. Но я верил, что он еще жив, – два месяца назад Георгий Кузьмич выступал на какой-то краеведческой конференции, которую показывали по телевидению; он был историком. И не просто историком, а профессором, доктором наук, написавшим кучу монографий и книг.

Наконец в трубке щелкнуло, и знакомый глуховатый голос сказал:

– Алло! Я слушаю.

– Здравствуйте, Георгий Кузьмич! Извините, что побеспокоил, но мне нужно срочно с вами встретиться.

– Простите, но вы не представились...

– Ой! – невольно воскликнул я и тут же рассмеялся. – Вы не узнали меня, значит, буду богатым. Я Алеша, внук Николая Васильевича Богданова.

– Вот теперь вспомнил... – Голос Георгия Кузьмича потеплел. – Ну конечно же, Алешка. Рад слышать тебя. Что там у тебя стряслось?

– Георгий Кузьмич, это не телефонный разговор...

– Понял. Тогда приезжай ко мне через часок. Время устраивает?

– Вполне.

– Ты еще не забыл, где я живу?

– Ну как можно...

Действительно, как можно забыть те прекрасные вечера, которые я, еще малец, проводил в квартире Георгия Кузьмича, напичканной, с моей детской точки зрения, настоящими сокровищами. Чего там только не было! И африканские маски, и старинные древнегреческие сосуды, начиная от большой амфоры и заканчивая крохотным алавастром для благовоний, и какие-то горшки-черепки совсем неизвестного происхождения, и старинное оружие, развешанное по стенам, и чучела диковинных птиц... А еще много фотографий, в основном групповых, где были изображены голые папуасы, пигмеи и индейцы в боевой раскраске, – Георгий Кузьмич очень много путешествовал. Они висели в рамках, соседствуя со старинными картинами, большей частью акварелями.

Дед и Георгий Кузьмич о чем-то горячо спорили, не забывая прихлебывать из старинных кубков горячий грог (он был их излюбленным напитком), а я как замороженный ча-сами рассматривал диковинные волнистые клинки, мушкетеры и пистолы – точно такие, как в фильмах про пиратов. Мне даже поначалу казалось, что Георгий Кузьмич тоже ходил когда-то по морям-океанам под черным пиратским фла-

гом, настолько он был порывистым и непредсказуемым.

Входная дверь открылась сразу. Я даже не успел нажать на кнопку звонка. Оглянувшись, я кисло скривился – ну куда теперь не денешься от этих вездесущих камер наблюдения! Георгий Кузьмич тоже обзавелся новинкой, берегущей покой обывателей. Глазок видеокамеры торчал под самым потолком. Впрочем, охранять у Георгия Кузьмича и впрямь было что. По нынешним временам его коллекции представляли большую ценность.

– Нуходи,ходи, богатырь! И в кого ты такой большой уродился?

Мы обнялись. Я почувствовал волнение. Мне вдруг показалось, что время пошло вспять и сейчас из кухни выйдет мой дед с кубком грога в руках.

– Извини за беспорядок... – Георгий Кузьмич освободил для меня кресло, в котором лежал плед. – Дочь на даче, поэтому убратъся некому. А я уже могу только пыль протирать. И то лишь перед большими праздниками. Здоровье шалит. Годы...

Он и впрямь сильно сдал. Это сколько же ему? – подумал я. Никак не меньше восьмидесяти. А может, и больше. Я никогда не задавался таким вопросом.

– Между прочим, ты легок на помине, – сказал Георгий Кузьмич, устраиваясь напротив меня в своем любимом резном кресле, обитом мягкой коричневой кожей.

Историю этого кресла я знал. У Георгия Кузьмича оно по-

явилось после Отечественной войны, в конце пятидесятых. Какой-то партийный босс менял мебель в своем высоком кабинете и не нашел ничего лучшего, как выбросить антикварную мебель, наследие «проклятого царизма», на свалку. Радуясь тупости чиновника, Георгий Кузьмич подобрал раритет и привел его в надлежащий вид.

– Вчера я был на кладбище, посещал свою Анюту – царствие ей небесное! – Георгий Кузьмич истово перекрестился. – И зашел на могилу Николая... – Так он кликал моего деда, а тот, в свою очередь, называл его Жоржем. – Посидел на скамейке, повспоминал... Немного нас, солдат Великой Отечественной, уже осталось. Совсем немного. И знаешь, в какой-то момент я вдруг увидел внутренним зрением тебя. Правда, в коротких штанишках и с игрушечным револьвером в руках... – Тут он добродушно улыбнулся. – Но это был не мой сын и даже не мой внук, а точно ты. Сознаюсь, я сильно удивился. Вроде мои воспоминания касались только нашей дружбы с твоим дедушкой, а тут такая картина... И лишь когда уходил с кладбища, неожиданно понял, что это Николай подает мне какой-то знак. И он касается тебя. Но что именно за этим скрывается, я понять не мог. И вот, пожалуйста, ты сидишь передо мной и, похоже, тебе есть что мне рассказать.

– Именно так, Георгий Кузьмич. Вы знали Елпидифора Африкановича Брюсова? Он наш сосед с верхнего этажа.

Георгий Кузьмич вдруг изменился в лице. Перемена бы-

ла неуловимой – словно в летний день солнце на мгновение скрылось за небольшой тучкой, – но в связи с последними событиями все мои чувства были обострены до предела, и я успел уловить это мимолетное изменение во внешнем облике старика.

– Почему – знал? – спросил Георгий Кузьмич каким-то деревянным голосом. – Он что, умер?

– Вчера его убили.

– Не может быть! – не сдержавшись, громко воскликнул Георгий Кузьмич. – Как это случилось?!

Я рассказал. Загорелое лицо Георгия Кузьмича (я знал, что он приобрел этот загар не на пляже; профессор имел маленькую дачку, скорее фазенду советских времен, где у него был сад и огород – для души) с каждым моим словом становилось бледнее и бледнее. Когда я закончил, Георгий Кузьмич выдохнул:

– Невероятно...

– Что – невероятно?

– Он не мог умереть такой смертью!

– Простите – не понял...

– То, о чем я тебе сейчас расскажу, покажется тебе фантастикой. Я и сам долго этому не верил, пока мне в руки не попался истинный раритет – книга дореволюционного историка Евграфа Петровича Савельева под названием «Древняя история казачества». Она была издана в Новочеркасске четырьмя выпусками – с 1913 по 1918 год. В свое время боль-

шевики изъяли и уничтожили весь – весь! – тираж, кроме одного-единственного экземпляра. Вот уж поистине «рукописи не горят»... С гордостью могу доложить тебе, что благодаря моим усилиям эта книга была переиздана в Ростове-на-Дону.

Тут Георгий Кузьмич встал и достал из бара графинчик, а с ним блюдечко, на котором лежали посыпанные сахаром лимонные дольки. Видимо, все это он приготовил к моему приходу, потому что лимон еще не пустил сок.

– Думаю, нам не грех немного взбодриться, – сказал Георгий Кузьмич, ставя на стол серебряные рюмки. – Да и за встречу надо выпить. Это мое средство для долголетия... – Он несколько натянуто улыбнулся. – Настойка на двадцати семи травах. Сделана по древнему рецепту алхимиков. Спирт произведен в домашних условиях и сильно отличается от того, что на водочных заводах. Оцени...

Я выпил (хотя и был за рулем) и оценил. Напиток был потрясающим – густой, ароматный и здорово бодрящий. Пожилам словно пробежала горячая волна, а голова стала свежей и ясной, будто я только что принял ледяной душ.

– Супер! – сказал я и даже не притронулся к лимонным долькам, закуска этому напитку не требовалась.

– Итак, Савельев и его труд... – Георгий Кузьмич аккуратно выцедил свою рюмку, пожевал лимонную дольку и продолжил: – Современные историки убеждают нас, что казаки – всего лишь потомки крестьян, не вынесших гнета по-

мещиков и бежавших на Дон, на Волгу, в предгорья Кавказа, в причерноморские степи, на днепровскую Хортицу. В этом есть правда, но сильно урезанная и очень многого не объясняющая. Но если мы возьмем «Древнюю историю казачества», то откроем кладезь любопытнейших фактов. Под именем джанийцев и пятигорских черкасов казаки жили в устьях Дона, Кубани, Днепра и Днестра еще в двенадцатом веке до нашей эры, представляя собой оригинальную славянскую ветвь, субэтнос, говоривший на одном из южных диалектов русского языка. Джанийцы ходили на тридцати кораблях на подмогу легендарной Трое, осаждаемой ахейцами-греками, сражались в войсках Александра Македонского против персов Дария. Когда огромная персидская армия шла в наступление на македонские фаланги, пятерки неведомых воинов прорубались через плотную стену ее колонн насквозь, разворачивали коней, прорубались обратно и пропадали в степи. Опытные, полные сил персидские воители нередко сходили с ума, ничего не в силах понять и поделать. Во время затишья между боями персам было не легче — джанийцы-характерники, владея искусством внушения и заговорами, преспокойно умыкали часовых и даже военачальников прямо из их шатров и растворялись в ночи как призраки.

Взволнованный, Георгий Кузьмич поднялся, прошелся по кабинету, а затем, остановившись и опершись на бюро, продолжил свой рассказ. Наверное, так ему было свободнее излагать свои мысли; видимо, высокое бюро напоминало ему

университетскую кафедру.

— ...Джанийцы так маскировались на исходных позициях вражеской конницы, что, когда персы строились в ряды для атаки, характерники вскакивали и, согнувшись, бежали под брюхами лошадей с шашками-бритвами, прижатыми тупой стороной к спине. Позади них валились наземь эскадроны. Так что Македония побеждала в войнах не одним «божественным» происхождением Александра. Во время нашествия Чингисхана на южную Русь два его передовых тумена — двадцать тысяч бойцов — встретились в междуречье Дона и Волги с неведомыми воинами, легко уклонявшимися от летящих стрел и даже ловившими их у своей груди. Они дрались двумя мечами, стоя на конях, уходили от любых ударов и не боялись смерти. В сражениях не раз случалось, что монголы внезапно впадали в безумие и принимались биться друг с другом. В итоге от двух туменов не осталось в живых никого. Несколько казаков монголам удалось захватить живыми, и они увели их с собой на Восток. Русы-джанийцы оставили после себя грамоты-дощечки записей своих знаний, на базе которых избранные ученики из числа аборигенов создали свои боевые стили, основанные на использовании потоков внутренней энергии человека. Существует поверье, что одного из учеников русов звали Бодхидхарма. Он был бродячим индусским философом, пришедшим в Китай, и известен как основатель ушу. Так были заложены основы кунгфу, обычного и астрального карате, искусства невидимых вои-

нов и средневековых японских шпионов ниндзя...

Я слушал открыв рот. Ни фиги себе! Нет, это точно сказки! Чего только не придумают люди, чтобы возвысить свой род или свою национальность. Особенно в нынешнее время. Например, на родство с Чингисханом претендует несколько наций. Среди них кроме монголов казахи, буряты, японцы и китайцы. (Правда, эти споры не совсем безосновательны. Внешность Чингисхана, по описаниям историков, была нехарактерна для монголов – он был голубоглазым и со светло-русыми волосами. И сразу же возникает вопрос: а какое отношение к нему имеют сплошь черноволосые азиаты?)

– Насколько я разобрался в этой теме, – продолжал Георгий Кузьмич, – и доньше сохранились отдельные реликты древних боевых технологий, связанных с использованием «второго зрения», – методы нанесения ударов «свечением» и использования в бою астральных двойников. Оборотничество, декларировавшее умение перевоплощаться в зверей и птиц, судя по всему, пришло на Русь вместе с новгородцами-язычниками, посвященными в северные культы людей-волков и викингов-берсерков – людей-медведей. Известны упражнения, используемые посвященными воинами этих культов для демонстрации своих способностей. Посвящение в культ людей-зверей содержало две основные части, первая из которых развивала умение приводить себя в состояние боевого транса, позволяющего видеть действия противника в замедленном режиме и легко уклоняться от ударов,

стрел и мечей, а также чувствовать направление полета «своей» стрелы или пули – в этот момент у характерника холодеет затылок. Оборотничество по своей природе двойственно: в одних случаях действительно имеет место необыкновенно мощное общение с тотемом человека, его символом в животном мире, – сознание человека может переместиться в птицу или зверя, подчинив животное своей воле; либо боевой маг-характерник внушал противникам, что они видят волка или медведя...

– Простите, Георгий Кузьмич, – воспользовавшись паузой, деликатно перебил я старика, – но какое отношение имеет все то, о чем вы рассказываете, к Елпидифору Африканычу?

– Самое непосредственное. Как ты думаешь, сколько ему лет?

– Ну... где-то восемьдесят пять, может, немного больше... – ответил я не очень уверенно.

– Как бы не так! По метрике ему стукнуло сто три года. Откуда мне это известно? После войны мы вместе получали паспорта. И мои, и его документы сгорели под руинами дома, в котором мы жили. Да-да, он был моим соседом начиная с тридцать третьего года. Тогда многие квартиры... освободились. Вот его и подселили. Уж не знаю, кто за него ходатайствовал. В те времена получить угол, да еще в областном центре, было очень непросто.

– Сто три года?! Не может такого быть!

– Еще как может. Мало того, на самом деле он старше. Но почему-то свой возраст всегда скрывал. Ладно уж, открою тебе один секрет. Теперь уже можно. Елпидифор Африканович был характерником. Считай что колдуном или ведьмаком, притом очень сильным. Об этом знали немногие, кстати, и твой дед. Но на эту тему не распространялись. Как говорится, себе дороже.

Оба-на! Приехали. Африкан – грозный воин-оборотень. Колдун, едрёна вошь! Да он едва на ногах держался! Хотя... Тут я вспомнил историю с его неудачным ограблением, когда он отделал здорового Чирика и его приятелей. А ведь действительно, пойти с палкой супротив трех отморозков, тем более что один из них был с ножом, – это настоящий подвиг. Даже для молодого мужчины спортивного типа. Об этом я как-то раньше не задумывался. Да и остальные посчитали схватку деда Африкана с тремя мордоворотами курьезом.

– Не веришь? – с укоризной спросил Георгий Кузьмич. – А напрасно. Фамилию его помнишь?

– Конечно. Брюсов.

– Вот-вот. Должен тебе доложить, что он является прямым потомком знаменитого сподвижника Петра Первого, генерал-фельдмаршала Брюса Якова Вилимовича, род которого происходит от шотландских королей. Кроме всех своих несомненных воинских и дипломатических достоинств, он занимался еще и разными науками, в том числе алхимии-

ей. Иногда он приезжал в Москву для проверки своих вычислений и работал в верхнем покое Сухаревой башни, где находилась обсерватория. Так вот, в народе ходили слухи, что Яков Брюс чернокнижник и колдун. Многие считали (и небезосновательно!), что он владеет сверхъестественными познаниями. Похоже, эти познания он передал своим потомкам.

– Но почему вас так сильно удивило, что Африкана убили? Сейчас многих стариков убивают, чаще всего из-за квартир. А то и просто во время ограбления. Они ведь не могут оказать сопротивления.

– Да уж... Негодяев нонче развелось – пруд пруди. Удивило меня то, что характерника можно убить лишь серебряной пулей... или копьем с серебряным наконечником. Но ведь его зарезали, если судить по твоему рассказу.

Меня словно током ударило. Серебряная пуля! Я невольно прикоснулся к нагрудному карману своей куртки. Там в пластиковом пакетике лежала пуля, которой была убита ворона. Это был второй вопрос, который я хотел задать другу моего деда. Похоже, пришла пора.

И я поведал Георгию Кузьмичу о случае с вороной. (Правда, о том, что по просьбе Африкана я похоронил ее, умолчал, уж не знаю почему.) А затем достал пулю и передал старику.

– Вон оно что... – Георгий Кузьмич осторожно, словно он был раскаленным, взял пакетик и принялся через сильную лупу, которую достал из ящика стола, рассматривать дефор-

мированный кусочек серебра. – Тебе не следовало брать эту пулю в руки, – сказал он с сожалением и покачал головой. – Непростое это серебро, ох непростое... С твоего позволения, я отдам его на исследование. Ты не против?

– Нет! – ответил я быстро, словно опасался, что он передумает и мне снова придется носить пулю в кармане.

– Вот и чудесно. Ты в Бога веришь?

– Как вам сказать... В общем верю, но в церковь хожу очень редко... да и молиться не умею. Никто не научил.

– А ты сходи, сходи. Сегодня же. Поставь свечи перед иконами и просто постой, послушай батюшку. Таким образом ты снимешь с себя негативную энергию, которую получил от этого кусочка серебра. Скажи, а милиция, случаем, не нашла такую же пулю в теле Брюсова?

– Увы, мне это неизвестно... Георгий Кузьмич, неужели вы действительно верите во всю... – я едва не сказал «во всю эту чушь», – во все это? Колдуны, характерники, оборотни, серебряные пули... По-моему, это чересчур. А вы ведь серьезный ученый.

– Что я могу ответить? Помнишь, у Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Человек по своей природе косен и нелюбопытен. За исключением некоторых индивидуумов, которые толкают вперед науку и цивилизацию. В мире много непознанного. Мы даже не знаем, что находится в океанских глубинах. А ведь человечество живет на Земле миллионы лет. Теперь что

касается вороны. Это вообще колдовская птица. Ты только не смейся надо мной, стариком, но говорят, что в ворону может вселиться дух мертвого человека. Если это так, то Елпидифор Брюсов шел по жизни в колдовской связке с духом давно умершего товарища-характерника. И когда ворону убили, он в какой-то мере стал менее защищенным. Наверное, горевал.

«Еще как... – подумал я и едва не признался старику, что накануне выступал в роли гробовщика, да вовремя прикусил язык, что-то меня сдерживало. – Передавая мне сумку с вороной, Африкан выглядел как восставший из могилы мертвец, каким его изображают в американских фильмах ужасов. Только без признаков тления».

Ушел я от Георгия Кузьмича со странным чувством. Мне казалось, что меня вывернули наизнанку. Я слабо верил в ту фантастическую чертовщину, о которой рассказывал друг моего деда, и уж тем более не намеревался идти в церковь – еще чего! я же не какая-нибудь древняя суеверная бабулька. Но неприятное чувство обнаженности перед неведомой опасностью вдруг вползло ко мне в душу и начало там ворочаться, как слон в посудной лавке.

На какой-то миг мне почудилось – я даже потрянул головой, прогоняя мимолетное наваждение, – что мое отделение во главе со мной вышло в разведпоиск без бронежилетов и огнестрельного оружия.

Глава 4

Заколдованный

И конечно же меня тормознул инспектор ГИБДД. Будто бы я не остановился вовремя и проехал на желтый глаз светофора. Хорошо, хоть не заставил дышать в газоанализатор – напиток Георгия Кузьмича, конечно, вещь классная, но «выхлоп» все равно присутствовал. (Правда, я открыл оба передних окна, и ветер выметал запах перегара, но у инспекторов ГИБДД нюх как у ищеек.)

Ну, блин, эти дорожные вымогатели! Меня остановил, а что сразу же вслед за мной на красный свет пролетел козырный мерс с наворотами и мигалкой на крыше, этого он «не заметил». Наверное, это был какой-то олигарх местного разлива. Они сейчас с мигалками и в сортир ездят.

– Нарушаем... – Красная обветренная рожа размером с большой блин уже немолодого, хорошо упитанного инспектора прямо светилась счастьем, хотя он и пытался принять официальный вид.

– Сколько?.. – спросил я сразу, чтобы не разводить лишний базар-вокзал, иначе инспектор может принюхаться – и тогда пиши пропало.

– То есть?.. – прикинулся он невинным агнцем.

– Да ладно тебе, командир. Штраф оплачу на месте. Толь-

ко в разумных пределах. Я не при деньгах.

Короче говоря, спустя минуту мы разошлись – точнее, разъехались – как в море корабли, довольные друг другом. Лично я не сильно пострадал в финансовом плане, а уличный мздоимец получил своим детишкам на молочишко. Все ж дежурство для него прошло не впустую, и то радость...

А затем я попал в пробку. О, эта каждодневная «забава» любого делового человека! Мне спешить было некуда, и я не рвал душу, а терпеливо дожидался конца испытания своим нервам, но некоторые водилы поведением напоминали обезьян. Они едва волосы не рвали на голове, безуспешно пытаясь как-то вырваться на простор. Над бесконечно длинной железной змеей, ползущей по центральной улице города с неторопливостью старой улитки, часто засыпающей на ходу, стоял смог из выхлопных газов, перемешанных с цветастым русским матом.

Нужно сказать, что и дамы, эти нежные, эфирные создания, тоже позволяли себе не очень корректные выражения в адрес городских властей. Если мне случалось стоять в пробке бок о бок с машиной, за рулем которой сидела такая воительница, я старался вести себя тише воды ниже травы. Однажды я сделал замечание на предмет сленга в русском языке внешне весьма приятной девице (при всем том я не люблю сквернословов – так было заведено в нашей семье). И тут же с огромным удивлением впервые узнал – притом в каких смачных выражениях! – кто мой отец, кто моя мать и кто я

на самом деле. Мне потом долго довелось приходить в себя: неужто я и впрямь похож на некое парнокопытное с рогами и бородкой? Тем более холощенное.

Но в конечном итоге шоферские страдания закончились, и моя «мазда» вырвалась на оперативный простор. Первым делом нужно было пообедать – хотя бы потому, что я еще и не завтракал. А настойка Георгия Кузьмича, кроме всего прочего, вызвала просто зверский аппетит. Дома у меня было шаром покати – ночью мы с Пехой почистили холодильник весьма основательно, – поэтому я взял курс на небольшую кафешку неподалеку от моего дома.

Кафе называлось «Минутка» и не впечатляло большими размерами. Содержала его симпатичная особа, которую все кликали Маруська, и еда в заведении была почти по-домашнему вкусной. Правда, недешевой. Питались тут почти все более-менее состоятельные холостяки микрорайона. И не только по чисто гастрономическим причинам. Маруське было около сорока лет, и от нее просто волнами исходила какая-то ведьмовская привлекательность. Любой нормальный мужик при виде ее пышных прелестей, закованных в тугой бюстгальтер, начинал неровно дышать и рыть копытами землю.

Она была разведена, но детей не имела – уж не знаю, по какой причине. Но замуж тоже не стремилась. «Мне эти мужики во где сидят, – показывала она на место, где шея переходит в подбородок. – Наелась замужества по самое некуда».

Как-то я сподобился увидеть ее бывшего супруга. Это было настоящее чмо – серое, унылое и насквозь проспиртованное. Похоже, Марусяка вышла за него замуж только из жалости, поддавшись внезапному душевному порыву. Полюбить такого клиента можно было лишь во время умопомрачения. Хотя... человеческая, а тем более женская душа – потемки.

Он иногда приходил в кафе клянчить денег – на выпивку, – и Марусяка время от времени проявляла к нему милосердие, ссуживая небольшие суммы без малейшей надежды на отдачу. Она могла бы и накормить его, и налить рюмку-другую, но у ее мужа был девиз: «Я ж, Зин, не пью один». Точно как в песне Высоцкого. За углом кафе бывшего мужа Марусяки обычно ждала компания собутыльников – таких же неприкаянных, как и он сам.

– О, Алеша! – увидев меня, заулыбалась Марусяка. – Здравствуй, зайчик!

Меня она почему-то прозвала «зайчиком». Это было забавно – ни фиги себе зайчище... Ко мне Марусяка испытывала материнские чувства, хотя и была всего лишь немного старше меня. Правда, в моей душе иногда просыпались подозрения, что это просто ловкая женская тактика – усыпить бдительность клиента, чтобы потом взять голыми руками. Но у меня были свои предпочтения по части противоположного пола, и Марусяка в моей «табели о рангах» занимала неподобающее ей место – в самом конце. Хорошо, что она этого не знала...

– Накормить? – спросила Маруська.

– Мечи все, что у тебя есть. Я голоден как волк.

– Сию минуту... – И она исчезла на кухне.

Людей в кафе было немного, и все случайные.

Я не увидел ни одного завсегдатая. За стойкой бара скучала Валюха. Она была совсем молодая, и я мог запросто угадать, какие мысли блуждают в ее бестолковой, но симпатичной головке. Судя по немного помятому виду и мечтательной улыбке на губах, ночь она провела весьма обстоятельно. Я немного позавидовал ей. «О, глупая беспечная юность! Ты уже за холмом», – перефразировал я классическое изречение.

Пока я насыщался, Маруська наблюдала за мной. Правда, ненавязчиво, вполглаза. Похоже, мой вид ей не очень понравился, потому что приветливая обаятельная улыбка, редко когда покидавшая ее румяное лицо, немного потускнела, а в больших черных глазищах застыл немой вопрос: «Что с тобой стряслось, зайчик?»

Когда я получил свой кофий (уж что-что, а этот напиток у нее получался просто божественным), она подошла к моему столику и села напротив, подперев подбородок удивительно изящной, я бы даже сказал, панской ручкой. Несмотря на то что она каждый день занималась кухней, ее руки были ухоженными, бархатными. Я знал это, потому что Маруська иногда позволяла себе некоторые вольности – нежно гладила меня по щеке, словно пробуя, брился я в этот день

или нет.

В принципе мы были хорошими друзьями, если верить в то, что между мужчиной и женщиной может существовать настоящая дружба – без разных ути-пути и неременной постели.

– Колись, – наконец сказала она в ответ на мою улыбку. – У тебя какие-то серьезные проблемы?

– Жениться надумал.

– Вот брехло! – возмутилась Маруська. – Даже такой черствый прагматик, как ты, весь светился бы от предвкушения столь знаменательного события. А у тебя сейчас, как мне кажется, камень на душе. Или ты выбрал себе в невесты бабу-ягу?

– Это она меня выбрала, – буркнул я и потянулся в карман за сигаретами.

Курить в своем заведении Маруська позволяла очень немногим. Для них был предназначен специальный столик возле окна с вытяжкой. Я как раз за ним и сидел. Когда я прикурил, она включила вентилятор, и раздался тихий гул.

– Не хочешь говорить правду, ну и не надо! – обиделась Маруська.

– А тебе она нужна?

– Почему нет? Может, чем помогу.

– Это вряд ли. Ну да ладно... Помнишь Африкана? Ты должна бы его знать. Он мой сосед с верхнего этажа.

– Африкан, Африкан... – Маруська наморщила свой вы-

сокий чистый лоб. – А, припоминаю! Такой смешной дедуля в театральных шмотках. Он заходил ко мне несколько раз. Но за столик не садился, а брал еду на дом.

– Убили его... вчера. С особой жестокостью.

– Да что ты! – Маруськины глаза стали еще больше. – И где это случилось? Небось опять молодые отморозки отличились? Подросло нынче племя – молодое, незнакомое... Я сама боюсь их. Идешь, а они смотрят на тебя как волчары. Молча смотрят, но так, что между лопаток зябко становится. Брр!

– Африкана убили прямо в его квартире.

– А, так тебя менты взяли в оборот... Тогда мне понятно, почему ты такой смурной.

– Я не совсем по этой причине...

– Тогда что?

Я немного поколебался – говорить или нет? – но все же решил. Надо же кому-то душу открыть и очистить ее от всего наносного, чтобы вернуть прежнее спокойствие.

– Там не все так просто. Дед-то, оказывается, был ведьмаком. Представляешь? У меня над головой столько лет творилась чертовщина, а я ни сном ни духом. Мне во все это не очень верится, но меня на сей счет просвещал один очень уважаемый и знающий человек. Вот я и начал размышлять: а вдруг?..

– Ух ты! – У Маруськи загорелись глаза. – А я-то, дура, думала, почему это меня так заколбасило, когда он заявил-

ся в кафе первый раз? Мне даже пришлось сходить к одной бабке, думала, кто-то порчу навел. Потом полегчало.

– Теперь я просто не знаю, как мне быть после этого убийства. Квартиру менять не хочется... я ведь к ней сердцем прикипел. Родной очаг, как ни крути. Но на душе сумеречно. Какое-то тревожное предчувствие.

– Я знаю, что нужно делать! – решительно заявила Маруська. – Дам тебе адрес одной старушки, она очень сведуща в таких делах. Пошепчет, молитву почитает, святой водой окропит – и опять будешь как новый гвоздь. Поверь мне.

– Нет-нет, только не это! – замахал я руками. – Ну их... этих... экстрасенсов и шаманов. Все они мошенники. Их интересуют только деньги. Народ дуруют.

– Зайчик, она не такая, – продолжала убеждать меня Маруська. – К ней ходят лишь знакомые или очень порядочные люди. И она не работает за плату. Вот еду берет. Принеси ей банку меда. Ну и еще чего-нибудь – печенье какое или сдобу свежую. Мед на базарчике купишь – ты знаешь где, здесь недалеко. Там мужичок один торгует, мед у него настоящий, не разбодяженный. Точно знаю. Он сам пасечник.

– Говорю тебе – нет!

– Алеша, ну ты как маленький. Ведь ты боишься. Правда? Ладно, поступим по-другому... – Она решительно встала и сказала Валюхе, которая в своих мечтах полностью отключилась от окружающей ее реальности: – Проснись, красотка! Обслужишь людей, я ненадолго оторвусь. Основной поток

клиентов пойдет ближе к вечеру, — объяснила мне Маруська. — У меня многие ужинают. Так что до той поры Валька управится тут и без меня. Ты с машиной?

— Ну...

— Тогда поехали! Со мной тебе будет не страшно. Вот увидишь, все получится.

И я покорился. Не без внутреннего сопротивления, но все же пошел на поводу у Маруськи. Я знал, что от нее не отвяжешься — если что-то надумает, то обязательно сделает. А мне очень не хотелось, чтобы она при каждой новой встрече затевала один и тот же разговор, работая по принципу «капля камень точит».

Старушка, к которой привела меня Маруська, на литровую банку меда и разные лакомства в пакете даже не взглянула. Но как только я встал на пороге ее жилище (у нее был небольшой чистенький домик с хорошо ухоженным садом на окраине города), так она и прикипела ко мне взглядом. Видимо, мой облик ей не очень пришелся по душе, потому что она довольно сухо ответила на наши с Маруськой приветствия, и не выгнала нас сразу, наверное, лишь из-за своей доброй, сострадательной натуры.

— Нет! — сказала она, как отрезала, когда Маруська попросила ее «пошептать» надо мной.

— Ну, Анастасия Спиридоновна, ну, миленькая, ну пожалуйста! — заскулила Маруська, а сама тем временем схватила меня за рукав, потому что я уже с легким сердцем наострил

лыжи на выход. – Не откажите в моей просьбе.

Старушка немного смягчилась и ответила:

– Боюсь, что я не смогу ему помочь.

– Это почему? – опешил я.

– Ты уж не обижайся, милоч, но твоя аура совсем мутная, а тот, кто ее замусорил, куда как сильнее, чем я. Говорю это честно, без обмана.

Аура! Ни фига себе бабуля! Вишь, какими словечками баблется. Откуда только знает? Неужто в Интернете нахваталась? Это в ее-то годы... Навскидку, Анастасии Спиридоновне было очень много лет. Однако маленькие глазки старушки были живыми и зоркими, а в ее сухом и подвижном теле чувствовалась большая энергетика. Когда она переводила свой взгляд на меня, мне казалось, что в мою кожу впиваются мириады крохотных иголок. Видно было, что знахарка (или колдунья? а может, экстрасенс? фиг их разберет...) очень напряжена, хотя внешне это не сильно бросалось в глаза.

И я вдруг ей поверил. Предыдущие события, начиная с убиенной вороны и серебряной пули, разъяснения Георгия Кузьмича и с первого взгляда неприятие старушкой моей персоны (вообще-то я людям нравлюсь) только подтверждали опасения, которые глубоко засели у меня в мозгах. Что-то во всей этой истории с Африканом и впрямь нечисто.

Я был суеверным в такой же степени, в какой и все нормальные люди. Перешел дорогу черный кот – это к невезе-

нию, если вспоминаешь что-то нехорошее – сплюнь через левое плечо, рассыпанная соль – к ссоре, ну и так далее. Обычный набор суеверий не шибко продвинутого в религии обывателя.

Но теперь я почувствовал, что со мной начало твориться что-то неладное. Кроме несколько взвинченного состояния (что вполне понятно в свете моих вчерашних приключений и переживаний), я вдруг ощутил, что мир вокруг меня начал меняться – словно кто-то снял пелену с моих глаз и вытащил затычки из ушей. Мне показалось, что при желании я могу преспокойно разложить солнечный свет на семь составляющих его цветов (а то и больше, вплоть до инфракрасного излучения, невидимого глазу) и что я слышу, как в подполе дома шебаршатся мыши, а под крышей соседского дома ласточка-воронок кормит свой второй выводок, который спустя неделю уже встанет на крыло.

Я сильно тряхнул головой, прогоняя наваждение, и как мог спокойно попросил старушку:

– Анастасия Спиридоновна, вы уж извините, но идти мне больше не к кому. Может, все-таки попробуете?..

Старушка с сомнением пожевала тонкими сухими губами, а затем с обреченным видом ответила:

– Нельзя отказывать добрым людям... Грех это. Что ж, попытаться можно. Но никаких гарантий я не могу дать. Иди за мной, милок. А ты, – она обернулась к Маруське, – выйди наружу, запри входную дверь на ключ и никого не впускай.

Никого! Поняла?

– Поняла, поняла... – закивала моя подруга. – Исполню, не сомневайтесь.

Она прямо лучилась от счастливого возбуждения – все-таки уболтала старушку! Вот бабы! По моим наблюдениям, у них всего две радости в жизни: первая – поход по магазинам (если при деньгах), а вторая – это когда удовлетворяется какой-нибудь женский каприз. Особенно когда он совсем идиотский, такой, что нормальному мужику и в голову не может прийти.

Мы прошли не в горницу, как можно было ожидать, а в небольшую полутемную комнатку с образами в углу, перед которыми теплилась лампадка. Наверное, это был «приемный покой» знахарки. Перекрестившись на иконы, Анастасия Спиридоновна зажгла три толстых свечи из чистого воска и начала свои таинства. Она налила в большой медный таз воды (наверное, освященной, подумал я), усадила меня на табурет перед тазом, взяла небольшой ножик (таким я обычно чищу картошку), троекратно очертила меня этим ножом и начала говорить:

– От Духа Святого, от печати Христовой, от Спасовой руки, от честного креста, от Богородицы на запечатного замка! Ангел-хранитель! Сохрани его душу! Укрепи его сердце! Враг-сатана, отступи от него, от раба Божия Алексея. А сам Иисус Христос, приступи к рабу Божию Алексею. Запрестольная Мати Божья! Пресвятая Богородица! С раба Божия

Алексея сохрани и очисти всяку болезнь, всяку скорбь, всяку немощь, всяку нечисть бранных слов и своей лихой думы, притчи, уроки, переполохи, оговоры, одумы и призоры с раба Божия Алексея с буйной головы, с ясных очей, с сахарных уст, с рук и с ног, и с могучих плеч, и с белых грудей, с ретивого сердца, с бурой печени, с легких и с селезня, с сорока жил, с сорока составов, с сорока жил подпятных, с головы да с тулова, с тулова в ноги, из ног в подошвы, а с подошв в сыру землю, на темные леса, за синие моря... А-м-и-н-ь... — Последнее слово заговора Анастасия Спиридоновна произнесла с большим трудом, по буквам.

Неожиданно она сильно вскрикнула и упала на пол, застеленный домоткаными дорожками. Ее начали бить судороги, а изо рта пошла пена. Падучая! Это была первая мысль, что пришла мне в голову. Я был сильно напуган и весь дрожал. Не зная, что делать с бедной старушкой, я выскочил в сенцы и заорал, стуча кулаками в запертую дверь:

– Маруська! Маруська! Отворяй быстрее! Беда!

Маруська влетела в дом как вихрь. Глянула на меня и, не говоря ни слова, бросилась в «приемный покой». Анастасия Спиридоновна все еще корчилась, судорожными движениями сгребая под себя половики. Маруська схватила кувшин, из которого старушка наливала воду в таз, и несколько раз плеснула ей в лицо водой. А затем крикнула:

– Помоги!

Вдвоем мы подняли необычайно тяжелое тело знахарки –

Оно словно налилось свинцом – и перенесли в горницу на узкий диванчик. Там Маруська разжала стиснутые зубы Анастасии Спиридоновны и влила ей в рот столовую ложку какой-то микстуры. Интересно, откуда она знает, что это такое? – мелькнула у меня мысль, но тут же исчезла, потому как старушка вдруг перестала корчиться и открыла глаза.

Они все еще были бессмысленные и черные, как бездонная пропасть. Но дыхание постепенно восстанавливалось (до этого знахарка почти не дышала), и наконец она сказала слабым голосом, обращаясь к Маруське:

– Крест... Дай мне в руки кипарисовый крест...

Маруська метнулась к образам (тут их было еще больше, чем в «приемном покое»), нашла там примитивно сработанный и изрядно потемневший от времени крест – он был размером с мою ладонь – и всучила его Анастасии Спиридоновне. Старушка взяла крест в руки, сложив их на груди, и закрыла глаза в полном умиротворении. Мне даже показалось, что она отходит в мир иной, но Маруська предостерегающе положила указательный палец на свои пухлые губы – молчи! все нормально! – и кивком указала на входную дверь.

Мы вышли в прихожую и сели на широкую скамью. Наверное, в этом небольшом помещении клиенты знахарки дожидались своей очереди. Удивительно, но сегодня, кроме нас, никого не было. Неужто у старушки бывают не приемные дни? Чудеса...

– Она там хоть жива? – спросил я с дрожью в голосе, кив-

нув на прикрытые двери горницы. – Может, вызвать скорую?
– Не болтай глупости! Скорая поможет ей как мертвому припарки. Вот кипарисовый крест – это другое дело. Она скоро встанет.

Маруська говорила уверенно, однако я слишком хорошо ее знал, чтобы не расслышать в грудном приятном голосе своей подружки неуверенные нотки. Вот будет номер, ежели старушка отбросит коньки...

Я на миг представил, что мне опять придется объясняться с майором из убойного отдела, и меня передернуло. Упаси бог! Иначе меня точно запишут в серийные убийцы и посадят очень надолго. И докажи потом, что ты не верблюд. Два подряд смертельных случая – и я в качестве то ли свидетеля, то ли обвиняемого. Странные, если не сказать больше, совпадения.

– Что это за крест? – спросил я Маруську, не выдержав затянувшейся паузы.

– Святой, – коротко ответила она, занятая своими мыслями.

– Ну это ясно, – сказал я с некоторым сомнением – мне ничего не было ясно. – Но, по-моему, он сильно древний...

– Анастасия Спиридоновна получила его в наследство от своей прабабки.

– И ее прабабка была знахаркой?

– Так это и ежу понятно. Такие вещи передаются по наследству. Поэтому все эти современные экстрасенсы и кол-

дуны, якобы получившие свои дипломы после длительного обучения, всего лишь шарлатаны.

– Кто бы спорил... – ответил я.

А сам подумал: «Не исключено, что и Анастасия Спиридоновна всего лишь народный целитель и никаких у нее паранормальных способностей не наблюдается». И впрямь, в ее «приемном покое» сильно пахло разными лекарственными травами, пучки которых были развешаны по стенам. А на полках вдоль стен стояли стеклянные банки и горшочки с сухими корешками и какими-то настойками.

– Долго нам ждать? – спросил я, чувствуя зуд во всем теле.

Мне казалось, что через поры выступил липкий пот с кислотными свойствами (хотя это было совсем не так – в прихожей стояла приятная прохлада) и он начал разъедать кожу.

– Не знаю. Подождем. Лучше ее не тревожить.

Я тяжело вздохнул и мысленно посетовал: «Ну и дурак ты, Алексей Богданов! На кой ляд связался со всеми этими делами? Мало тебе колдуна Африкана, так ты еще и по знахаркам пошел, сглаз снимать. Нет, ну точно идиот...» Ерзая на жесткой дубовой скамье, я уже начал сомневаться и в достоверности рассказней Георгия Кузьмича.

Похоже, старик тронулся на своих исторических изысканиях. Такое бывает. Долго занимаясь какой-то проблемой, иногда совсем глупой и пустой, человек начинает верить, что она из фантома стала реальностью. Очень опасное заблуждение...

Дверь горницы отворилась с тихим скрипом, и бледная знахарка вышла в прихожую. Видно было, что она с трудом держится на ногах. Но на движение Маруськи, которая хотела поддержать ее под руку, она ответила решительным отказом. А затем обратилась ко мне:

– Плохо твое дело, милоч. Я не в состоянии поведать все, что мне открылось, – сама не понимаю, – но ты сейчас как шелкопряд в коконе. Пробиться к твоей душе невозможно. Я даже не могу сказать, злые это или добрые чары. Но они очень сильные. Чтобы избавиться от них, нужен человек более сведущий, чем я. Но мне такой неизвестен. Одно знаю – твое избавление где-то спрятано. Найдешь его, все станет как прежде.

– И что это?

– Возможно, какая-то заговоренная вещь.

– А если все же ее найду – хотя это и сомнительно, – то что мне с нею делать?

– Вот тебе текст заговора... – Она всучила мне вчетверо сложенный бумажный лист. – Прочитай три раза и выброси эту вещь в реку. Потом стань под душ и смой всю грязь, которая у тебя на теле. При этом снова читай, но на этот раз «Отче наш». И снова три раза. Если не знаешь, выучи наизусть.

– Выучу... – только и сказал я в ответ.

При этом я вспомнил сказку о Кощее Бессмертном: на острове стоит дуб, на нем висит сундук на цепях, в сундуке

утка, в утке яйцо, а в нем иголка, в которой заключена смерть злодея. Найдешь и сломаешь иголку – будешь свободным. Злодею кирдык, а тебе медные трубы, слава и почет. В общем, пойдй туда, не знаю куда, найди то, не знаю что...

Прощавшись, мы ушли. Я вел машину как сомнамбула и в какой-то момент едва не въехал в зад козырного мерса. Вот была бы потеха... Тысячи на три зеленую. Из моего и так изрядно прохуdivшегося из-за кризиса кармана.

Прощаясь, Маруся старалась не смотреть мне в глаза. То ли она начала бояться меня после «лекции» знахарки на тему чертовщины, то ли чувствовала за собой вину, что едва не угробила старушку с моей помощью, и теперь казнилась, занимаясь мысленным самобичеванием. Мне были до лампочки ее переживания, поэтому я лишь буркнул что-то вроде «До встречи...» и нажал на газ. Похоже, я и впрямь начал превращаться в бесчувственного шелкопряда, засевающего в кокон, потому как в этот момент мне было наплевать на всех и вся.

Припарковавшись на обширной автостоянке, которую охраняли лишь несколько бездомных шавок, я зашел в супермаркет, чтобы прикупить еды и выпивки. После стресса, который я пережил в «приемном покое» знахарки, мне срочно требовался допинг. А уж как есть захотелось... Будто я и не обедал в кафе у Марусяки. У меня проснулся просто зверский аппетит, чего давно не бывало. Каждая клеточка моего тела буквально кричала: «Мне нужна подпитка!»

К счастью, людей в супермаркете было немного, и я отоварился очень быстро. Направляясь с пакетами на автостоянку, я заметил возле моей «мазды» какое-то шевеление. Поначалу это не показалось мне подозрительным – я решил, что отъезжает соседняя машина. Но когда присмотрелся, рванул с места как спринтер – мою тачку вскрывали!

Их было трое. Один уже отключил сигнализацию и открыл дверь салона, а остальные стояли на стрёме, загораживая своими немалыми телами шустрого мерзавца, который уже подобрал ключ к системе зажигания и пытался завести мотор.

– Вы что, суки, творите?! – рявкнул я, подбегая к машине. – Пошли вон, козлы!

– Котя, шухер... – негромко сказал один из них, кряжистый бычара с глубоко посаженными глазами.

Тот «умелец», который ковырялся в машине, выскользнул из салона словно угорь. Он оказался совсем еще зеленым – эдакий прыщеватый переросток, стремившийся заработать авторитет у своих старших поделльников. Но похоже, он был докой в электронике (ох уж эта нынешняя молодежь! с пеленок в компьютерах шарит), потому как вскрыть и завести мою «мазду» очень нелегко. Я установил не только сигнализацию и механическую блокировку, но еще и иммобилайзер. Принцип его работы заключался в отказе соединения электрических цепей автомобиля в наиболее значимых местах – в тех, что отвечают за включение стартера, зажигания и са-

мого двигателя.

— А за козла ответишь... — злобно сказал бычара, явно бывший уголовник, судя по наколкам.

Они почему-то не спешили дать деру, как это обычно бывает, когда угонщиков застают на горячем.

Когда он успел достать нож и откуда, я не заметил. Скорее всего, это были даже не простые угонщики, а бандиты. Если у них не получалось угнать машину без эксцессов, они просто «глушили» водителя и уезжали, нередко оставляя после себя хладный труп.

Несмотря на свою кажущуюся тяжеловесность, бычара ударил как змея — молниеносно. Наверное, это был его коронный номер; защититься от такого удара очень тяжело, так как он направлен в район солнечного сплетения и немного напоминает укол шпагой. Но я был настолько заведен последними событиями, что этот фехтовальный финт не произвел на меня никакого впечатления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.